

Межрегиональные
исследования
в общественных науках

Министерство
образования и науки
Российской Федерации

«ИНО-Центр
(Информация. Наука.
Образование)»

Институт имени Кеннана
Центра Вудро Вильсона
(США)

Корпорация Карнеги
в Нью-Йорке (США)

Фонд Джона Д.
и Кэтрин Т. МакАртуров
(США)

Данное издание осуществлено в рамках программы «Межрегиональные исследования в общественных науках», реализуемой совместно Министерством образования и науки Российской Федерации, АНО «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)» и Институтом имени Кеннана Центра Вудро Вильсона, при поддержке Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США), Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США). Точка зрения, отраженная в данном издании, может не совпадать с точкой зрения доноров и организаторов Программы.

Научный Совет

Губин Сергей Александрович	— доктор физико-математических наук
Данилова Елена Николаевна	— кандидат социологических наук
Дегтярев Андрей Алексеевич	— кандидат философских наук, профессор
Зверева Галина Ивановна	— доктор исторических наук, профессор
Каменский Александр Борисович	— доктор исторических наук, профессор
Кортунов Андрей Вадимович	— кандидат исторических наук
Юревич Андрей Владиславович	— доктор психологических наук, член-корреспондент РАН

В.М. Викторин

*Ислам
в Астраханском регионе*

Москва • Логос • 2008

УДК 29
ББК 86.38
В43

*Печатается по решению
Научного совета программы
«Межрегиональные исследования
в общественных науках»*

Викторин В.М.

В43 Ислам в Астраханском регионе. —
М.: Логос, 2008. — 96 с. (Ислам в России /
Под ред. проф. А.В. Малашенко).

ISBN 978-5-98704-292-5

Показаны становление и современное состояние мусульманских общин Астрахани и области. Освещена деятельность Духовного управления мусульман Астраханской области. Рассмотрены межконфессиональные взаимодействия астраханских мусульман. Проанализированы проблемы правоохранительной деятельности региона. Представлены материалы съезда Исламской партии возрождения «Нахдат».

Для ученых и специалистов в области истории, культурологии, религиоведения, политологии, других социально-гуманитарных наук. Представляет интерес для читателей из числа мусульман и представителей других конфессий.

УДК 29
ББК 86.38

Книга распространяется бесплатно

ISBN 978-5-98704-292-5

© Викторин В.М., 2008
© АНО «ИНО-Центр
(Информация. Наука.
Образование)», 2008

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие (А.В. Малащенко)	7
Введение	9
Глава 1 <i>Ислам в Астрахани и области: общие данные</i>	18
Глава 2 <i>История ислама в Нижневолжском регионе</i>	26
Глава 3 <i>Деятельность Духовного управления мусульман Астраханской области</i>	45
Глава 4 <i>Съезд Исламской партии возрождения «Нахдат» 9 июня 1990 г.: салафизм и мухминство на Астраханской земле</i>	52

Глава 5	
<i>Мусульманское сообщество: связи и контакты</i>	66
Глава 6	
<i>Проблемы правоохранительной деятельности</i>	72
Вместо заключения: «И русским может быть ислам...»	78
Приложение	81
Съезд Исламской партии возрождения «Нахдат» (9 июня 1990 г., Астрахань): документы.....	81
<i>Документ № 1</i>	81
<i>Документ № 2</i>	82
<i>Документ № 3</i>	83
<i>Документы № 4 и 5</i>	84
Библиография	88
Об авторе.....	92

ПРЕДИСЛОВИЕ

Есть такое словосочетание исламо-христианское пограничье. Оно вызывает разные ассоциации. Для одних — это нечто вроде шлагбаума, по обе стороны которого стоят и испуганно переглядываются мусульмане и христиане. Для других — территория, где особенно явно видно смешение, взаимодействие народов. Астраханская область выглядит именно так. Как отмечает автор этой книги, мусульмане уже составляют свыше четверти населения области, и их число продолжает расти.

Астраханская земля привыкла к движению народов. Сегодня этот процесс называют миграцией, которая остается одной из проблем России. Для юга страны, и конкретно для Астрахани, этот вопрос особенно сложен. Но несмотря на трудности, на появляющееся порой отчуждение, люди привыкают жить вместе, с уважением относиться к культуре и к религии соседа. В каком-то смысле Астрахань стала полигоном, на котором проходят обкатку межконфессиональные и межэтнические отношения.

В Астраханской области нашли свое отражения тенденции, характерные для современной российской, да и мировой исламской культуры. Здесь есть и радикалы, и носители различных форм традиционного ислама. В том, что именно в этом городе в 1990 г. состоялся учредительный съезд Исламской партии возрождения, ставший

вехой на пути российского религиозного «ренессанса», видится своеобразный символ времени.

Не избежало астраханское мусульманство и организационного раскола, однако он не приобрел остроту, которая имела место в некоторых других регионах.

В последние годы астраханский ислам удостоился внимания ученых: был опубликован ряд работ, в основном принадлежащих перу Виктора Викторина и Андрея Сызранова. Исследования по этой тематике продолжаются. И нам остается ждать новых статей, а может быть, и книг.

*А.В. МАЛАШЕНКО,
доктор исторических наук,
редактор серии «Ислам в России»*

ВВЕДЕНИЕ

Астраханский регион, расположенный между Северным Кавказом и Казахстаном, при впадении Волги в Каспийское море, представляет собой предельно любопытный объект для исследования.

Наш регион — зона взаимодействия крупных мировых религий (именно здесь, согласно уроженцу здешних мест, поэту-новатору начала XX в. Велимиру Хлебникову, находится «треугольник Христа, Будды и Магомета»¹), а также важный пункт связей с другими религиями и типами верований — как в самой давней истории, так и в настоящее время.

В прежние века Астрахань (в частности, петровская Астраханская губерния) распространила свое влияние на гораздо более обширную территорию, и до сих пор тяготеющую к низовьям Волги как к своему историческому центру и обнаруживающую известную общность населения, культуры и традиций.

Российское Нижнее Поволжье, так сказать, Нижневолжье, его исконно многонациональные и поликонфессиональные жители, находятся в преддверии своих славных юбилеев. В декабре 2007 г. празднуется 290-летие основанной Петром I Астраханской губернии. А ранней осенью 2008 г. на общероссийском уровне будет отме-

---

¹ Ср.: *Мамаев А.А.* Астрахань — «треугольник Христа, Будды и Магомета» // *Арабист. Хлебниковед. Человек: Сб. ст. памяти М.С. Киктева.* М., 2007. С. 268–280.

чатся 450-летие основания города Астрахани (а значит, и Астраханского воеводства, по-старому — окрэги).

При этом вспомнятся вновь совместные дела первопоселенцев края — разных по языку, вере, обычаям, но вместе обживавших суровые и благодатные земли. Вспомнится, как Астрахань в 1790–1802 гг. была центром всего Кавказского генерал-губернаторства (наместничества). Наверняка вспомнится и та ответственность за положение дел в прилегающих кочевых степях и в Прикаспии, которую приняла на себя Астрахань.

А уже нынешние современники перестроенных событий оценят, сколь резко и наглядно изменилось вновь, с начала 90-х гг. XX в., геостратегическое положение региона, стоящего на перекрестье транспортных, торговых путей, способствующих обеспечению южных рубежей Отечества.

И в давние, и в наши времена здесь — пункт векового и многогранного взаимодействия религий и их приверженцев. На всех этапах истории «исламский фактор» был значимым и во внутренней жизни региона, и в его внешних сношениях. Концептуально автор, в том числе и в настоящем издании, придерживается термина «региональный вариант» ислама (или иной религии, как правило, мировой) — если это явление обнаруживает особые качественные характеристики и ощутимую сравнительную специфику.

Астраханский (Нижневолжский) регион¹ в данной работе — это исторический и современный южный форпост Российского государства, для которого межэтническое и межрелигиозное

---

¹ Близкий по сути термин «край» (Астраханский край) также состоятелен картографически и содержательно. Он нередко используется в заголовках исследований А.В. Сызранова и некоторых других монографических изданий.

общение всегда составляло неотъемлемую часть жизнедеятельности.

Астраханский ислам имеет свою специфику. Она обусловлена многообразием оттенков религиозной традиции, этнической пестротой приверженцев ислама. Здесь переплетаются ортодоксальный, канонический ислам, его народно-бытовое понимание, культы святых мест — ауля, элементы баксылыка — кочевое шаманство, полужыческие ритуалы и многое другое.

Существуют и другие особенности «астраханского регионального» типа мусульманства, но это предстоит изучить исследователям в будущем.

Региональный вариант ислама слабо исследован и практически не освещен в научной литературе. Немного внимания уделяла исламской проблематике и пресса, затрагивая лишь отдельные, чаще фактографические и традиционно-культурные аспекты. Общественное же мнение вполне естественно, без особых эмоций воспринимало соседство с мусульманами, участвуя вместе с ними в совместной трудовой деятельности, приглашая друг друга на праздники и т. п.

Основой для подготовки данного издания послужили материалы многолетней научной деятельности автора: публикации и архивные документы, данные конференций и деятельности официальных и общественных структур, публикации в СМИ, собственные наблюдения автора в ходе его непосредственного общения с людьми в Астраханской области и в поездках-экспедициях по югу России.

Использованы были также архивы органов государственной власти и издаваемые ими официальные материалы. В первую очередь имеются в виду ежегодные выпуски Докладов руководства Астраханской области, как официальные издания и отчеты перед населением, под

названием «Социально-экономическое развитие Астраханской области», за 2004–2006 гг.¹. Таковые готовились и издавались в 1994–2004 гг. администрацией области, а ныне — администрацией губернатора и правительственными структурами области.

Автор использовал историческую, архивную и мемуарную литературу, поскольку с давних времен жизни и роли мусульман в Астрахани и регионе так или иначе касались все иностранные путешественники по Волге, в том числе и широко известные в мировой науке и культуре (Э. Дженкинсон, Кр. Бэрроу, А. Олеарий-Эльшленгер, П. Флеминг, К. де Бруин, Э. Челеби, И.Г. Гмелин, П.С. Паллас, И.Г. Георги, Я.Ю. Потоцкий, А. и Кс. Омер де Гель, А. Дюма-отец, Э. Гендерсон, И.-Т. фон Бларамберг и многие другие).

Использованы были исламские сюжеты, опубликованные в местных периодических изданиях начиная с 1813 г. — «Восточные известия» и «Азиатский музыкальный журнал», «Губернские ведомости». Появлялись небольшие по объему исследования, наподобие работ В.В. Дремкова «О муллах Астраханской области» (Астрахань, 1912). Несколько его же заметок посвящены религиозной и этнофольклорной обрядности татарского населения.

В последние годы стали доступными труды имама-мухтасиба губернии, видного историка-краеведа и методиста-составителя актуальных и до сего дня учебников по исламу и арабской грамоте, затем репрессированного, А.И. Умерова

---

¹ Социально-экономическое развитие Астраханской области в 2004 году: доклад-отчет перед населением. Офиц. изд-е руков. обл. Астрахань, 2005. Вып. 11; Социально-экономическое развитие Астраханской области в 2005 году. Астрахань, 2006. Вып. 12; Социально-экономическое развитие Астраханской области в 2006 году. Астрахань, 2007. Вып. 13.

(1867–1933)¹, а также содержательные «Воспоминания» его последовательного, хотя и заочного оппонента, выпускника медресе, ставшего красногвардейцем в Астрахани, а впоследствии — крупным советским работником, И.М. Махмудова (1898–1970)².

В середине 20-х гг. XX в. Астрахань и окрестности посетил, оставив интересные наблюдения и аналитические выводы, известный религиовед Н.М. Маторин. В довоенные годы в исламоведческих исследованиях по Астраханскому региону (тогда он именовался округ или межрайон), наступил длительный перерыв.

Серьезным импульсом для изучения поликонфессионального развития и межрелигиозного сотрудничества стал 400-летний юбилей Астрахани, в связи с которым были изданы небольшие, но интересные краеведческие работы. Опыт этот был использован и продолжен в последующих, более крупных изданиях³.

Привлекали астраханскую проблематику, уделяя ей место в своих работах, и известные ученые из столицы и других регионов: Москвы (Г.А. Федоров-Давыдов, М.Б. Полубояринова, Н.Б. Голикова, В.О. Бобровников, И.В. Зайцев, Ю.М. и Т.Ю. Кобищановы, А.В. Малашенко, А.А. Игнатенко, Р.Г. Ланда, С.М. Исхаков, С.М. Маркедонов, С.Ф. Фаизов, Б.А. Ахмедханов), Ростова-на-Дону (В.В. Черноус, И.П. Добаев, Х.Т. Курбанов), Поволжья, вклю-

¹ См.: Тюркское просветительство и просвещение в Астраханском крае: прошлое, настоящее, будущее. К 100-летию первого номера татарской газеты «Идель» и 140-летию со дня рождения А.И. Умерова: Сб. мат. Всеросс. научно-практич. конф., 19 мая 2007 г. / Отв. ред. С.Р. Базанова, А.Н. Родин. Астрахань, 2007. С. 4–8, 15–17, 21–31, 64–68 и др.

² Государственный архив Астраханской области. Ф. 1936. Оп. 2. Ед. хр. 20. 52 л.

³ История Астраханского края: Колл. учебн.-научн. краевед. моногр. / Гл. ред. Н.М. Ушаков. Астрахань, 2000.

чая Волгоград, (С.В. Голунов), Саратов, Казань (И.Г. Гиззатуллин, Г.Б. Балтанова, Д.М. Исхаков и многие другие) и Ульяновск (А.К. Магомедов). Заинтересовались ею и представители стран нынешнего «дальнего зарубежья» (Великобритания, Франция, США, Япония). Отметим статьи молодого французского журналиста Файиза Ани (Хэнни) из семьи алжирских эмигрантов, посетившего Астрахань осенью 1997 г.¹

В самой Астраханской области неоднократно обращались к проблемам мусульман журналисты З.З. Муратова, Н.З. Баширов, Г.Ш. Булатов и А.С. Истилеев, Х.Р. Саткаев, сотрудник УВД по области полковник Р.Х. Галискаров, а также местный краевед Ш.К. Сиражетдинов (Икрянинский район).

Следует упомянуть статьи и репортажи в местной прессе — преимущественно в газетах «Волга» и «Астраханские известия», районных — Наримановского, Приволжского, отчасти Харабалинского и Володарского районов, где традиционное мусульманское сельское население формировало достаточно консолидированные ареалы.

В это время исламской проблематикой начали заниматься краевед-археолог Е.В. Шнайдштейн, религиовед-философ А.Д. Нафтуллин, историки-религиоведы В.М. Викторин и А.В. Сызранов, археолог Д.В. Васильев.

И наконец настало время обращения к обобщающим (методическим, популярным и научным) публикациям в г. Астрахани по собственно проблематике исламоведения — общего и регионального. Последним изданием такого рода был сборник «Ислам и современность», подготов-

---

¹ См.: Fanz H. Reportage des mille visages et de cent communautés cohabitant a Astrakhan, Russie // Croissance. Le monde en development. Magazine. Paris, 1998. № 415. Mai. P. 26–29.

ленный почти 20 лет назад лекторской группой обкома КПСС и отделением Всесоюзного общества «Знание»¹.

После значительного перерыва, в 2007 г., было подготовлено, одновременно с данной книгой и при участии ее автора, инициативное издание «Ислам на Юге России: традиции и современность» (Сост. и отв. ред. А.В. Сызранов, Э.Ш. Идрисов. Астрахань, 2007).

Стали появляться и диссертации, научные труды, среди которых следует выделить публикации молодых астраханских ученых, историка А.В. Сызранова² и археолога Д.В. Васильева³.

Автор присоединяется к их выводам и дает некоторые важные дополнения из ранее накопленного и недавно появившегося материала, интерпретации отдельных фактов, касающихся истории и современности ислама на Нижней Волге. Пользовался он при написании данной книги и собственными материалами и воспоминаниями, а также доступной ему документацией.

Богатые компаративистские данные были накоплены при реализации научной программы «Ислам в пограничных ситуациях», осуществленной в 80–90-х гг. XX в. Межинститутским центром цивилизационных и региональных

---

¹ См.: Ислам и современность: Методич. рекоменд. / Колл. сост. Астрахань, 1988.

² Сызранов А.В. Эволюция государственной политики России по отношению к мусульманскому населению ... (на матер. Нижнего Поволжья): Автореф. дисс. ... канд. историч. н. Астрахань. 2004; Сызранов А.В. Ислам в Астраханском крае: история и современность // Вестник Евразии. Независ. междисц. и разнопроф. журнал. 2006. № 4 (34); Сызранов А.В. Святые места мусульман Астраханского края: Истор.-этнографич. очерк. Астрахань, 2006.

³ Васильев Д.В. Ислам в Золотой Орде: Истор.-археологич. исследование. Астрахань, 2007.

исследований Африки РАН совместно с учеными из Великобритании и других стран Европы¹.

В данном проекте на разных этапах участвовали астраханские ученые Н.А. Сосновский, В.М. Викторин и др. При его реализации в Астрахани на базе Астраханского технического института рыбной промышленности и хозяйства (ныне — Государственный технический университет) в 1993 г. состоялась научная конференция «Христианское большинство и мусульманское меньшинство в России и Европе». Обсуждался, в частности, доклад автора по теме «Исламские и христианские этноконфессиональные группы в структуре этносов России: традиционно-культурные основы и политические последствия (Поволжье и Северный Кавказ)».

Автору приходилось обращаться к этническим и региональным аспектам исламоведческой проблематики, включая доисламские традиции, специфические трактовки вероучения, испытывающие на себе влияние местной культуры. Освещалась и политизация ислама, т.е. события, с которыми приходилось сталкиваться в связи с административной деятельностью².

В этой плоскости, совместно с коллегами-исламоведами из Ульяновска (Технический университет) и Японии (Университет Саппоро) было

¹ См.: Исламо-христианское приграничье: итоги и перспективы изучения (Матер. междунауч. конф., 26–29 сентября, 1993 г.). Казань, 1994; *Sosnovski N.A.* Mass-Media and the National Revival of the Turcic Peoples in the Lower Volga Region // Tatarstan: Past and Present. (Mater. Conf., London Univ., June, 29, 1992). L., 1992; *Victorin V.M.* Ethnoreligious minorities and Islamic sociopolitical thought: Traditionalism, modernism in the Volga region and the Northern Caucasus // The Christian-Muslim Frontier: Chaos, Clash or Dialogue. L.; Birmingham, 1998.

² *Викторин В.М.* К проблеме поволжско-предкавказского исламского обновленчества в мирной и радикальной формах (90-е гг. XX в.) // Евразийское пространство в постсоветский период: этнокультурная специфика социальных и культурных процессов. Ежегодник. Волгоград, 2001. № 1.

осуществлено обобщающее и богатое фактической информацией издание¹.

Еще одна значительная статья автора «Ислам в Астрахани» была подготовлена как отдельный очерк в Москве в 1994 г. специально для египетского (Каир) журнала «Шамс-аль-Ислам» («Солнце Ислама») и даже переведена на арабский язык, но по неким малопонятным обстоятельствам она так и не вышла в свет. Она была направлена в адрес двух федеральных министерств и хорошо известна региональным специалистам.

Астрахань все чаще упоминается в связи со следующими событиями: учредительный всесоюзный съезд Исламской партии возрождения «Нахдат» (1990), попытка проведения братьями Хачилаевыми второго этапа предвыборного махачкалинского II съезда Союза мусульман России (1996), приезд и переговоры делегации Духовного управления мусульман Дагестана (1999), Мусульманский миротворческий форум муфтиев юга России (2000) и др. Материалы этих встреч, конференций, форумов и обсуждений общественности еще предстоит внимательно проанализировать.

Исследования ислама в Астраханском крае, в которые вовлекаются молодые ученые, продолжают в первую очередь в самой Астрахани. Исламоведение, как в целом, так и с учетом его региональной специфики, занимает достойное место в ряду гуманитарных исследований.

---

¹ Магомедов А.К., Мацузато К., Викторин В.М. Ислам и политика в современной России: «ядро» и «периферии» мусульманского пространства (Респ. Дагестан — Астраханская обл. — Ульяновск и рег.). Ульяновск, 2006.

ГЛАВА 1

ИСЛАМ В АСТРАХАНИ И ОБЛАСТИ: ОБЩИЕ ДАННЫЕ

Общая численность приверженцев ислама в Астраханской области от переписи к переписи пусть и понемногу, но неуклонно возрастает. Это характерно для всех групп мусульманского населения, включая тюркские, иранские, андо-цезские, вайнахские, адыгские и другие этносы. Это происходит по самым разным причинам: за счет прироста рождаемости у сельского казахского населения; благодаря миграции, представленной азербайджанцами и талышами, аварцами, чеченцами, даргинцами, лезгинами, турками-месхетинцами, узбеками, таджиками и др.

С 1998 по 2002 гг. количество мусульман возросло с 230 до 260 тыс. человек. Теперь они составляют более четверти всего населения Астраханской области, или чуть менее 5,5% традиционных мусульман в Южном федеральном округе, 1,3–1,4% от их общего числа по России.

В послевоенные годы в области были зарегистрированы четыре мусульманские общины с мечетями, оформившиеся в 1991–92 гг. в организационное объединение мухтасибат; в 1994 г. оно было перерегистрировано и преобразовано в Духовное управление (муфтият). Согласно официальным данным на 2006 г., Астраханское региональное духовное управление мусульман (в 1992–94 гг. — ДУМ АО, далее — АРДУМ)

насчитывает 58 общин, что составляет 30,1% от общего числа религиозных объединений области. Свои богослужения астраханские мусульмане проводят в 41 мечети (7 из них являются памятниками областного значения) и в 6 специализированных молитвенных домах.

В 2005 г. на территории пос. Мошаик была открыта новая мечеть. Продолжались строительные работы в мечетях в с. Килинчи (Приволжский район), с. Малый Арал (Красноярский район) и в г. Нариманове. Реставрационно-ремонтные работы осуществлялись в мечетях в Астрахани: Красной, Криушинской, Белой и Черной¹. Памятниками истории и архитектуры признаны перечисленные Белая (Гилянская) мечеть и Черная (Бухарская) мечеть, Красная мечеть № 3 у рынка Большие Исады (переданная в конце 80-х гг. северокавказским шафиитам), так называемая Ногайская мечеть, Зеленая мечеть на р. Царев, центральная мечеть Вахабийя. Эта мечеть, в которой размещается резиденция муфтия, была открыта еще в 1898 г. по инициативе шейха Вагапа А. Алиева.

Упомянутая передача в 1989 г. одной из городских мечетей — № 3 — исламской религиозной общине нового для Астрахани направления, объединившей мусульман-суннитов шафиитского толка, была серьезным шагом для последующих событий на юге России. Правда, планировавшееся поначалу совместное использование здания мечети ханафитами татарской общины и шафиитами и многочисленной шафиитской общиной северокавказцев не получилось. Мечеть стала восприниматься как кавказская, шафиитская. Это вызвало определенные конфликты меж-

¹ См.: Вопросы внутренней политики. В официальном изд.: Социально-экономическое развитие Астраханской области в 2005 году: Доклад. Вып. 12. Астрахань, 2006. С. 38.

ду мусульманами, которые впоследствии удалось разрешить.

Были удовлетворены и религиозные интересы у возрастающей группы азербайджанцев (включая тальшей), за 15 лет удвоивших свою численность — ныне свыше 8 тыс. человек. К ним следует добавить приезжающих в область и оседающих здесь граждан Ирана. Шиитской общине решено передать после реставрации старинную татаро-суннитскую мечеть в микрорайоне Криуша по ул. Бакинская (в начале XX в. — Бакаладинская, затем Бакалдинская). Она получила название мечеть Баки. Организационно входя в состав РДУМ области, обе общины — суннитско-шафиитская и шиитская — сохраняют свою религиозную специфику.

В целом за минувшие 15–18 лет собственными силами религиозных объединений и при поддержке органов государственной и муниципальной власти было построено или переделано из других строений до 20 новых культовых зданий (и еще мечеть в местах лишения свободы — № 23, Астрахань). Из мечетей, действовавших еще до революции, восстановлено и возвращено верующим или же восстанавливается 6–7 зданий.

Построено и открыто в правобережных поселениях, примыкающих к Трусовскому району Астрахани, в селах Солянка и Старая Кучергановка, два исламских центра. На их строительство и обустройство администрация области дважды в 1996 г. (распоряжение № 2224-р и. о. главы А.А. Жилкина, а также распоряжение № 2234-р и. о. главы Э.М. Володина) выделила значительные финансовые средства. В 1996–1997 гг. оба центра начали действовать. Правда, их руководство заняло альтернативную областному муфтияту позицию.

9 октября 2004 г. на городском кладбище состоялось открытие мечети Тауба («Покаяние»).

В самом начале работ президент Республики Татарстан М.Ш. Шаймиев выделил 5 млн руб. на поддержку строительства.

С 1999 г. действует Исламский институт «Хаджи-Тархан» (лицензия № 24-0097 Минобразования России от 29 февраля 2000 г.). Располагался он поначалу в Белой (Гилянской) мечети, а во время ее ремонта — в главной мечети Вахабийя. В 2004–2005 гг. институту было передано историческое здание медресе Черной (Бухарской) мечети, ранее известное своей уникальной библиотекой восточных рукописей, переданных в 30-е гг. XX в. в архивы Ленинграда. Здесь обучаются до 140 студентов-шакирдов, причем более половины — на очном отделении, преподаются духовные науки, а также светские дисциплины, включая иностранные языки, историю, краеведение.

Институт подготовил уже четвертый выпуск квалифицированных священнослужителей. Этот вуз последовательно возглавляли ректоры Муслим А. Юнусов, бывший настоятель Белой мечети, а затем — Ульд Мухаммед Ва-Аль Абдат, уроженец Алжира, гражданин России (именно при нем институт окончательно сформировался как высшее учебное заведение). Ему наследовал Махмуд Яхийя Реск, выходец из египетско-татарской семьи. В настоящее время институтом руководит Сайфулла Камильевич Бикмухамедов, помощник муфтия.

Посетив в 2006 г. Астрахань, верховный муфтий мусульман России шейх-уль-ислам Т.С. Таджуддин одобрил ведущиеся здесь строительство и реставрацию мечетей, работу Исламского института «Хаджи-Тархан». Также он выразил пожелание открыть в Астрахани филиал Российского исламского университета.

В районах и селениях, где проживают верующие мусульмане, но нет мечетей, используются

молельные дома, при которых ведется исламское духовное обучение.

В области существуют несколько независимых от Духовного управления мусульман незарегистрированных группировок, также располагающих своими молельными и учебными помещениями. Это небольшие объединения обновленческой (возрожденческой) направленности — от мухминов (мирных салафитов) до саудитов и джихадистов. Не имея единства и расходясь в толковании ислама, эти группы порой выступают с деструктивных позиций, создавая обстановку напряженности. Их высказывания и действия носят зачастую откровенно вызывающий характер. В частности, это касается попыток возводить и обустроить мечети исходя из пожеланий лишь небольшой группы активистов. Так случилось, например, с переоборудованием помещения для мечети № 34 на окраине города, у кладбища на бугре Сабан-Сияр. Прежняя администрация Астрахани в 1998 г. санкционировала работы, не вникнув в суть дела и не согласовав свои действия с РДУМ. В результате под мечеть стали перестраивать прежнюю кирпичную силосную башню постройки 1960-х гг. Выяснилось, что это помещение, расположенное вблизи существующего с 1980-х гг. аэропорта и под линией высоковольтных электропередач, для собраний людей опасно. Районный суд Советского района Астрахани 23 января 2006 г. принял решение о сносе строения в двухмесячный срок. Областной суд в 2006 г. подтвердил это своими постановлениями.

Тем временем вокруг строительства этой мечети стали группироваться те, кто в разное время ушел или был уволен из Исламского института «Хаджи-Тархан».

После кассационных жалоб, обращений активистов к Президенту России, в Совет муф-

тив России, в Конгресс США и в комиссию Парламентской ассамблеи ОБСЕ, после пикета двух астраханок и группы их сторонников у Дома Правительства Российской Федерации в Москве 10 апреля 2006 г. с принятием растиражированной затем резолюции, выступлений по российскому радио, призывов в Интернете и прочих акций Верховный суд России 14 августа 2006 г. отказал в выдвинутых требованиях. Данный вердикт вступил в законную силу.

Инициаторы открытия мечети обратились в Европейский суд по правам человека, и в сентябре 2006 г. в Россию прибыли представители этой организации. Однако и после их визита конфликтующие стороны не пришли к взаимному согласию.

В Астраханской области действуют несколько общественных организаций исламской направленности, обществ и благотворительных фондов, в том числе по поддержке и пропаганде культурных ценностей ислама, а также по организации ежегодного хаджа мусульман в Мекку и Медину.

Помимо официальных религиозных организаций в области существуют и неформальные центры исламского культа. Здесь находятся примерно 20–25 (из существовавших ранее 40) «внемечетных» мест, могил людей, почитающихся святыми, так называемые ауля (аулийя).

Из погребенных в разных местах святых шейхов двое — выходцы из Средней Азии и, вероятно, проповедники классического суфизма: шейх Маслетдин Узаман — хаджи Бухарлы, или Бухари (пос. Мошаик), Абубикер Кара — Укар Хызыр — ата Туркестани (с. Яксатово). С конца XIX в. наметилось взаимодействие данного суфийского культа с близким по типу мюридизмом (тарикатизмом) на Северном Кавказе.

На территории области похоронен уроженец Закатальского района (со смешанным аваро-азербайджанским населением), сосланный в Астра-

хань шейх Махмуд-ишан (или Махмуд-эфенди, как его помнят и до сих пор именуют на прежней родине). Это последнее по времени возникновение святое место особенно почитается дагестанскими и другими северокавказскими переселенцами. На могилу святого приезжают представители высших религиозных кругов, в частности сам Саид-эфенди А. Ацаев-Чиркейский — влятельнейший шейх братства накшбандийя Дагестана.

Это представляет особый интерес, поскольку «исторически в мусульманском мире каспийские окоемы становились оплотом и цитаделью оппозиционного, суфийско-дервишеского ислама, с обилием святых мест по всему периметру пространства». Данный тезис может быть подтвержден дополнительно и заметно расширен¹.

С начала XX в. один раз в год, осенью, на этом святом месте проводился большой поминальный и ритуально-магический праздник с жертвоприношением домашних животных — Зийярат (использование этого термина в таком контексте — специфическое проявление астраханского ислама).

Сейчас такие празднования не проводятся. Но до сих пор приходится иметь дело с тайным переносом ауля с места на место. Впервые такой ритуал был отмечен примерно в начале XIX в., и тогда он был сопряжен со сложным обрядовым комплексом. В конце 80-х гг. XX в. внезапно пропало женское ауля «Гузель Нурбия-ханум» у ограды городской больницы им. С.М. Кирова, которое спустя несколько лет появилось на территории нового, выстроенного неподалеку исламского центра в с. Солянка.

---

¹ Любопытно, что данный обряд существует в рамках более обширного региона. По соседству с астраханской северной границей, на территории Западноказахстанской области находится культово-археологический памятник «Эзи-зулие», на диалектах тюрок Нижневолжья звучащий как «Адже-ауля».

В целом это явление пока еще мало изучено и во многом скрыто от постороннего наблюдения. Характерный для низшего суфийского, дервишеского ислама, примогильный культ святых мест ауля (на мусульманских кладбищах или отдельно) и наличие сложившегося при них обслуживающего общественного слоя хранителей и смотрителей-«мужавиров» весьма примечательны.

В качестве мусульманского самими верующими воспринимается особый, сохраняющий ранние кочевые шаманистские черты, специфический магический летнесезонный обряд Кудай жол — «Божий путь», характерный для буковских казахов (на территории Казахстана он имеет иные названия), ногайцев-карагашей, заимствованный в последние годы и частью татар. Это — моление о дожде с жертвой (баран, корова черной масти, символизирующая грозовую тучу) и по сей день совершается летом, в жару и засуху, в разных местах области. Не отвергает его и официальное духовенство.

Как отмечал еще в начале 80-х гг. XX в. местный исламовед А.Д. Нафтуллин, в частности, «этот обряд сохранился в с. Хошеутово Харабалинского района ... Если зарезать черную корову, то пойдет дождь, считают верующие. Ежегодно в июле, самом засушливом месяце, мусульмане этого села на собранные деньги покупают черную корову, приглашают муллу и совершают обряд жертвоприношения. Со слов очевидцев, он протекает следующим образом. Мулла читает молитву, вместе с ним молятся и участвующие в обряде, затем забивают животное, варят мясо и там же, в степи, сообща его поедают»¹.

¹ См.: Ислам и современность. Методич. рекомендации. С. 35; Политическая агитация. Астрахань. 1987. № 18. С. 16. Ср.: Сызранов А.В. Святые места мусульман Астраханского края. С. 23–25.

ГЛАВА 2

ИСТОРИЯ ИСЛАМА В НИЖНЕВОЛЖСКОМ РЕГИОНЕ

История мусульманства в Нижнем Поволжье делится на три этапа:

- 1) процесс принятия ислама здешним населением либо проникновение сюда тех, среди кого уже был распространен ислам;
- 2) становление здесь общинных структур и институтов исламской религии;
- 3) формирование местной исламской идентичности.

Выделение ключевых этапов является не самоцелью, а поиском преемственности исламской традиции у разных поколений. Чаще хронологические вехи определяются лишь по формальным, отдельным и частным следам в истории, как-то: «появление первого правителя-мусульманина в низовьях Волги», «годовщина принятия ислама ханом Булгарии на Волге», «юбилей первого азана» в Прикаспии, у вступивших туда «войск халифата» и т.д.

Длительный отзвук имеет празднование в Казани и Уфе 16–25 августа 1989 г. 1100-летия принятия ислама народами Восточной Европы (фактически — приезд из Багдада посольства во главе с секретарем и хронистом Ахмедом ибн Фадланом). На эту дату — 922 г. — как на ключевую в исламизации предков татар ориентируется в Астраханской области значительная часть

интеллигенции из потомков средневожских переселенцев.

Для здешних выходцев из Дагестана (особенно его южной, прикаспийской части) дата прихода ислама иная — 641/42 г. как «год первого азана» арабских воинов на территории нынешней России, захвативших тогда Дербент (Баб-аль-абваб, т. е. «Ворота ворот»).

Инициатива северокавказских мусульман провести масштабные торжества к 1400-летию первого азана (по мусульманскому летосчислению) в 2000–2001 гг. была поддержана возникшими в 1994 г. Духовным управлением мусульман Центральной России и Советом муфтиев России, а также мэром Москвы Ю.М. Лужковым. Однако это вызвало неодобрение волгоуральских (Казань и Уфа) объединений верующих. Сдержанная реакция относительно даты прихода ислама на территорию России была высказана учеными Российской академии наук¹. Однако празднование все же состоялось и осталось в памяти мусульманской общественности.

Интересна собственно «астраханская» версия появления ислама в этом регионе. В ходе раскопок на городище Самосделка Икрянинского района, начатых в конце 90-х гг., были обнаружены материальные свидетельства, подтверждающие, что хазарское духовное и светское население было вынуждено в 737 г. переходить в ислам, поскольку о принятии мусульманства заявил разбитый арабским военачальником Мерваном-ибн-Мухаммедом последний тюркский каган Хазарии².

Предполагалось связать это событие с грядущими юбилеями Астраханской губернии и ее областного центра. В этом случае обнаружилась

¹ См.: *Силантьев Р.А.* Новейшая история ислама в России. М., 2007. С. 88, 105–106, 230, 235–244, 532.

² Ср.: <http://www.astrakhanfm.ru/news>

бы вполне почтенная (лишь немного уступающая «дербентскому азану») древность события. Нельзя не помнить, что спустя три года в Хазарском каганате, с приходом дербентской династии, возобладал весьма специфический иудаизм. Однако и после этого мусульманское население в городах, прежде всего в еще не найденном пока Итиле, продолжало существовать; там действовали мечети и школы. Согласно источникам, которыми пользуются местные авторы, в каганате проживали хорезмийцы и арабы, пользовавшиеся судебной экстерриториальностью; имелся наемный воинский корпус из мусульман.

Здесь шли активные богословские дискуссии, на одну из которых в 858–859 гг. прибыли знаменитые солунские братья Кирилл (Константин) и Мефодий. До своего крушения в 965–966 гг. под ударами киевского князя Святослава и соседних тюрок-печенегов каганат оставался важным культурным центром, местом диалога между конфессиями.

Однако если все же отвлечься от заманчивых «юбилейных версий» и опираться исключительно на исторические факты, то, согласно исследованиям местного археолога Д.В. Васильева, первые попытки мусульман закрепиться на Нижней Волге имели место в VIII–IX вв., а археологические находки, подтверждающие присутствие ислама, принадлежат к IX–X вв., т. е. еще к домонгольскому времени¹.

Усиление роли ислама в регионе произошло в период существования Золотой Орды, в XIII–XIV вв. Первые ханы, принявшие ислам, — Берке (1258–1266) и Туда-Менгу (1281–1287) — по мере сил оказывали мусульманам свое покровительство. Только Хан Узбек (1312–1342) официально объявил ислам в Золотой Орде государственной религией, а его сын Джанибек

¹ См.: *Васильев Д.В.* Ислам в Золотой Орде. С. 8–9.

(1342–1357) провел исламизацию населения, войск и высшего чиновничества. Это был суннитский ислам ханафитского мазхаба, лояльно относившийся к прежним, домусульманским обычаям и традициям.

В тюркскую (кыпчакскую и огузскую) кочевую среду ислам проникал миссионерским путем в форме суфизма, или дервишизма, а также подвижнической деятельностью шейхов его направлений (тарикатов)¹.

Сокрушительный удар по оседлому населению Нижневолжья нанесло нашествие в 1395–1396 гг. войск Тимура. Возникшее в начале XVI в. на руинах Золотой Орды Астраханское ханство и его центр Хаджи-Тархан (на правом берегу, в 10–12 км выше нынешнего города) были малолюдными, рыхлыми и аморфными². В 1554–1556 гг. оно было без больших усилий и серьезного сопротивления присоединено к Российскому государству. А в 1558 г. в левобережье Волги были заложены крепость-кремль и новый город Астрахань.

Как и после хазарского периода, население в этих местах, в том числе мусульманское, формировалось как бы заново, на иной социально-политической основе, с изменившимися социокультурными ориентирами. Преобладали мигранты с севера и востока, меньше мигрантов приходило с юга. Именно эти проникавшие на Нижнюю Волгу этнокультурные группы и формировали новое население региона.

¹ См.: *Сызранов А.В.* Ислам в Астраханском крае: история и современность. С. 118–119.

² Заметим заодно, что много времени спустя на Руси и в Западной Европе слова «Астрахань», «татарь» (даже «тартары») и «мусульмане» тесно, хотя и вопреки подлинной истории, взаимоувязывались. Вспомним лишь симптоматичные ремарки итальянского драматурга XVII в. *Карло Гоцци к пьесе «Принцесса Турандот»*: «Калаф — принц ногайских татар, сын Тимура; Тимур — царь Астраханский».

«Нижневожских татар Орды и Ханства» сменили русские стрельцы, мастеровые, рыболовы, а также исламизированные полукочевые ногайцы, получившие здесь имя «юртовцы», и преследуемые калмыками джетисанцы, бежавшие с Урала-Джайека под защиту новой астраханской крепости.

Приведем высказывание английского посланника при дворе московского царя и посла в Персии Антония (Энтони) Дженкинсона, посетившего Поволжье с миссией практически сразу же после присоединения края к России, в мае-июне 1558 г.: «Вся земля на левом берегу Волги от Камы до Астрахани, — отмечал посол, — называется землей мангытов, или ногайцев, а население ее магометанское...» Его соотечественник, Христофор Бэрроу, наблюдавший, будучи в Астрахани в 1579–1581 гг., пожар неподалеку от крепости, отмечал, что «в поселении Юрт (городской микрорайон Зацарево-Нариманово) жили 7 тыс. ногайских татар». А голштинский посол, тоже в Персии, знаменитый хронист Адам Олеарий, бывший здесь осенью 1635 и 1638 гг., называл Астрахань «главным городом страны Нагайи», рассматривая ее как российский форпост в степном ногайском окружении.

Зачастую новые жители обосновывались на местах старых поселений, сохраняя их топонимику. Сберегались также и священные места неформального мусульманского культа, почитание которых передавалось, как по эстафете, каждой новой миграционной волне.

Таким образом, отсутствие прямой преемственности оседлого населения компенсировалось сохранением и передачей элементов традиции вероисповедания — культа мест (ауля), суфизма. По-прежнему почитались домонгольские ауля (Урдык-Урдык-адже, Тукли-бабб Шашлы-адже), ауля явного ордынского (Кара-Даут-ау-

ля в кремле, Джигит-Джайдак-адже, а также неподалеку от первой столицы Орды г. Сарая, Фахар-ханым и, возможно, Акрам-бабб Масаяк-лы на нынешнем городском кладбище), а также ауля постордынского времени, периода кратковременного существования Астраханского ханства.

Мусульманское население в самой Астрахани пополняли колонии купцов из Бухары, Хорезма и Хивы (сунниты), из Гиляна (шииты). В мусульманство к XIX в. переходили мултанские индийские, агрыжанские купцы (бывшие индуисты).

Астраханскому воеводству (окрѳге) подчинилось вассальное княжество в северном Дагестане, где жили служивые черкессы (кабардинцы) и так называемые ококи, окочееяне — акинцы, особая ветвь вайнахов-чеченцев. Они придерживались разных вер: часть сохраняла языческое единобожие, распространенное на Северном Кавказе, другие переходили либо в православие, либо в ислам, поскольку их вожди — князья Черкасские — в большинстве своем уже были мусульманами.

Значительные изменения в регионе произошли в связи с образованием в 1717 г. самостоятельной Астраханской губернии, а также в результате Персидского похода императора Петра I в 1720–1721 гг.

По личному распоряжению Петра юртовцы и джетисанцы начали переходить от полукочевой жизни к оседлому земледелию (во всяком случае, именно так утверждали их потомки в 1877 г.). Причем каждая кочевая орда (улус, или табун) образовывала село, а отдельные родовые подразделения (кыпчак, кунград, кенегес и др.) основывали городские кварталы, носившие название махалля. Каждая такая махалля имела свою мечеть и совет старейшин, в который входил и мулла. Таким образом, при переходе народа к оседлости

новая религиозная структура накладывалась на старую, родоплеменную.

Смешанные суфийские ауля получили особое распространение именно среди юртовцев. Причем первоначальное количество таких священных мест (23) у группы ногайского происхождения совпадало с количеством прежних родовых общин.

С другой стороны, прежние духовные судьи юртовцев — казы (главный казы жил на Мошайке, именовавшемся Казы-аул) допускали в суде обращение к народному обычаю (адат) и опирались на согласительные процедуры (маслагат).

В качестве матросов, солдат и корабельной obsługi Петр I привел с собой большое число так называемых лашкбров — казанских татар-мусульман, государственных землепашцев-крестьян, в те времена приписанных к Адмиралтейству. Многие из них так и остались проживать и служить в Астрахани, ее окрестностях и на дагестанско-чеченских Гребнях, где постепенно смешивались с жившими поблизости юртовцами-джетисанцами.

Прибывали в регион и представители кочевых народов, степень исламизации которых была весьма различной. Известно, что во время Персидского похода, в 1723 г., сын калмыцкого хана Аюки захватил под Пятигорьем (Бештау), около нынешней станицы Темнолесской, группу кубанских ногайцев-кочевников, подданных крымского хана и турецкого наместника. Эти ногайцы-карагаши, тоже испытавшие влияние ислама, освободились из-под власти калмыков в 1771 г., а в 1788 г. поселились в двух построенных для них зимних селениях (Сеитовка и Хожетаевка). До 1929 г. они вели полукочевую жизнь. Именно на их летних пастбищах в 70–80-х гг. XX в. был построен Астраханский газоконденсатный комплекс, а наиболее круп-

ные села попали в санитарно-защитную зону и подлежали новому переселению, которое не завершено и по сей день.

В середине XVII в. на Северный Кавказ начала переселяться группа мангышлакских туркмен (в административных актах их называли трухменами), ранее также подчинявшихся калмыкам. Они установили связи с юртовцами и ногайцами-карагашами и в 1793–1803 гг. осели в Астраханской губернии (ныне это — племенные группы абдал и игдыр в двух селах Приволжского района).

Каждый род у карагашей и у туркмен имел в селе свою мечеть. Мулл обычно выбирали из своей среды, не заботясь особо об уровне их подготовки и богословском образовании. Профессиональное духовенство отмечало (как подтверждал в 1852 г. автор первой книги об этом крае «Очерки Волжского низовья» П.И. Небольсин), что у этих полукочевников «молодежь ... не тверда в вере Магомеда ..., они даже пятого намаза не исполняют. К муллам своим имеют мало уважения».

В 1783–1788 гг. большие группы казанских татар были переселены правительством в низовья Волги, для обслуживания Московского и Кизлярского (Линейного) военно-торговых трактов. Религиозная ситуация среди прибывших татар была весьма непроста: часть уроженцев Волго-Вятских верховий были обращены в православие и в XVIII–XIX вв. числились новокрещенными, но затем все вернулись в ислам. Через полвека в Астраханскую губернию стали переселяться (и по указам, и в результате побегов со службы) татары-мишари из Пензенской губернии. Поселяясь в селах совместно с новокрещенными татарами (в той части современной Волгоградской области, которая ранее подчинялась астраханскому губернатору), они напоми-

нали отставшим от ислама односельчанам об их религиозных корнях.

Длившиеся с 1785 по 1864 гг. Кавказские войны также внесли изменения в состав населения края, серьезно повлияв на местное мусульманское сообщество. Юртовские пригородные села пополняли взятые в плен уроженцы Северного Кавказа: они и их потомки составили основную часть населения с. Кулаковка, Колакау-аул (от адыгов-черкесов, род джари) и значительную группу в соседнем с. Три Протока, Джамели-аул (от чеченцев, род таулы — «горцы»).

За сотрудничество с имамом Шамилем в Поволжье в XIX в. был дважды сослан уроженец Закатальского округа (с аваро-азербайджанским населением) видный идеолог движения, ставший одним из шейхов тариката накшбандийя, богослов Махмуд-ишан Аль-Алмали. Он скончался в 1877 г. и похоронен у поселка Мошаик; его могила до сих пор ревностно почитается мусульманами, особенно из числа уроженцев Дагестана¹.

Новым этапом в формировании местного межэтнического сообщества явилось массовое переселение в 1801 г. с разрешения царского правительства в междуречье Волги и Урала, на бывшие ногайские и калмыцкие земли, казахов Внутренней орды султана Букея Нуралиева. Известно, что ислам был наиболее укоренен именно на окраинах казахских степей, вблизи русских земледельческих территорий и центров

¹ Уникальные данные о Махмуд-ишане (Махмуд-эфенди) и его нынешних астраханских потомках (татарах) удалось собрать А.В. Сызранову в его студенческие годы. См.: *Сызранов А.В.* Святые места мусульман Астраханского края. С. 32–34.

Автор хранит копию запроса с родных мест «Махмуда-эфенди-бабб» о судьбе его могилы в Астрахани (от директора краеведческого музея г. Кахи Н. Аббасова в июле 1991 г.), поступившего в Астраханский музей, и его научный совет, с целью «ознакомить народ с жизнью этого замечательного человека».

цивилизации. Именно здесь был наиболее высок авторитет мусульманского духовенства, о чем в свое время писал казахский просветитель Чокан Валиханов. В ханской ставке Букея была выстроена большая мечеть. Его сын и преемник хан Джангир Букеев продолжил дело отца. По его распоряжению открывались религиозные школы. Казахи вели, в большинстве своем, кочевую жизнь — вплоть до кампании по их седентаризации, в середине 30-х гг. XX в.

Различные группы резко увеличившегося мусульманского населения Астраханской губернии сильно различались с точки зрения религиозной культуры, степени понимания и соблюдения основных норм и предписаний своей религии. Потому-то городские жители зачастую считали соседей, пригородных земледельцев-селян, «не очень хорошими» мусульманами, а те, в свою очередь, относились подобным же образом к полукочевникам, а тем более к кочевым народам. В качестве примера отметим, что, последние использовали особую «молитву о дожде в засуху» (специфический астраханский термин «кудай-жол» — «божий путь»).

Опираясь на результаты исследований астраханских ученых истории суннитского движения в Нижнем Поволжье, по степени укорененности ислама к началу XX в. можно выделить четыре категории населения:

- городские жители, казанские татары, пензенско-нижегородские мишари и татары трех «азиатских торговых дворов»;
- сельские татары — также средневожские переселенцы и оседлые ногайские татары (юртовцы, джетисанцы) из сел нынешних Наримановского и Приволжского районов;
- полукочевое население — ногайцы-карагаши нынешнего Красноярского района, а также туркмены;

- «полные» кочевники: небольшая группа ногайцев-карагашей (каралатские) и большая часть «букеевских» казахов.

Отметим, что большинству казахов и ногайцев были свойственны синкретические представления, т.е. по-прежнему, кроме элементов ислама, они хранили веру в своих колдунов-шаманов.

С увеличением мусульманского населения в регионе возрастало и количество мечетей, школ при них — мектебов и высших учебных заведений — медресе. Именным указом императрицы Екатерины II от 22 сентября 1788 г. исламские общины Нижнего Поволжья были определены как подведомственные учрежденному ею Уфимскому духовному магометанского закона собранию (далее — управлению), с 1796 г. переименованному в Оренбургское. А вскоре, в 1799 г., в Астрахани (а также в Казани и Оренбурге) была открыта первая школа для мусульман.

В середине XIX в., согласно данным из Государственного архива области, на территории губернии числилось: в Астрахани 8 мечетей (включая персидскую, шиитскую), а в сельской местности — 55 (в том числе 10 соборных, с правом служения пятничного намаза, остальные — менее высокого разряда, так называемые пятивременные). При мечетях действовало 36 средних школ — мектебов и 8 медресе, число учащихся в которых достигало полутора тысяч юношей и трехсот девушек.

Обстановку резко изменили манифесты от 26 февраля 1903 г. и 17 октября 1905 г., касавшиеся религиозных свобод, а также указ от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости». В начале XX в. на всем пространстве губернии насчитывалось уже 209 мечетей (т.е. в 4 раза больше, чем прежде) — в основном за счет так называемых юрточных молельных домов в казахских аулах; число мектебов приблизилось к 140.

В самой Астрахани в 1910 г. было 18 мечетей, 19 мектебов и 6 медресе¹.

Некоторые из них уже практиковали новый джадидиетский тип обучения. Первое такое медресе «Низамийя» было открытое еще в конце XIX в. в слободе Аргы Тяк (Царев) А.И. Умеровым. За период 1912–1914 гг. число таких медресе возросло с 2 до 13, за счет вновь открытых².

В тот же период стали возникать и мусульманские общественные организации. В 1905 г. возникло общество антирусской и панисламистской направленности «Маджлис Шура-и-Ислам» («Совет ислама»), издававшее газету «Бурган-и-Таракки» («Довод/Аргумент прогресса») и имевшее собственное училище «Дар-уль-Эдеп», или «Дар-аль-Адаб» («Дом науки»), организованное по турецкому образцу.

Другое, более умеренное джадидистское общество, также склонное и к панисламизму, — «Джаммат Исламийя» («Мусульманское собрание»), возникло в 1907 г. Его возглавил тогдашний имам одной из городских мечетей А.И. Умеров, выпустивший в том же году первый номер своей газеты «Идель» («Волга») ³.

Поляризация общественно-политических сил в астраханской мусульманской среде нарастала. К концу 1917 г. друг другу противостояли Национальное управление мусульман губернии мухтасиба А.И. Умерова, созданное по решению заседания «Трех общероссийских мусульманских съездов» в Казани, 21 июля — 1 августа 1917 г.,

¹ См.: Сызранов А.В. Ислам в Астраханском крае: история и современность. С. 121.

² См.: Тюркское просветительство и просвещение в Астраханском крае: прошлое, настоящее, будущее. К 140-летию А.И. Умерова. С. 26, 64.

³ См.: Сызранов А.В. Ислам в Астраханском крае: история и современность. С. 121–122; История Астраханского края. С. 423–424; Тюркское просветительство и просвещение в Астраханском крае. С. 10, 26–27, 61, 65 и др.

и губернский Мусульманский революционный комитет (Мусревкин) во главе с большевиком К.Ш. Туйбакиным, учителем, участником студенческих волнений.

В вооруженной борьбе в Астрахани в период 12–26 января 1918 г. противостояли друг другу отряды Национального управления, перекрывшие мосты через городской канал, и отряд царских (тияжских) бондарей А.У. Умерова, а также интернациональная боевая дружина грузчиков под командой коммуниста-иранца Ходоята Эмельбекле (Идоета Аминбейли) — перса или иранского азербайджанца (погиб в бою, был с честью похоронен на общем городском кладбище).

Красноармейские отряды, внезапно атакованные казаками, спасла мусульманская рота 156-го запасного полка под командой фельдфебеля Халфина, с боями пробившаяся из отдаленных казарм в кремль¹.

После установления советской власти Мусревкин был преобразован в Комиссариат по мусульманским (национальным) делам. Его вплоть до своей гибели в августе 1918 г. возглавлял К.Ш. Туйбактин.

Новая власть понимала необходимость учитывать этническое и конфессиональное многообразие населения региона. В его составе к тому времени сформировались и весьма специфические группы. Так, с середины XIX в., после установления мира на Кавказе, в самой Астрахани стало возрастать собственно персидское (по факту подданства) население, придерживающееся шиитского направления. Представляли его персы и иранские азербайджанцы — торговцы, а также грузчики (так называемые амбалы, от

---

¹ См.: Викторин В.М., Нафтуллин А.Д. Ислам и население Астраханской области. С. 15–16.

иранского — «друг, приятель»), работавшие на речных пристанях города.

У астраханских персиян была своя организация благотворительности и взаимоподдержки «Энджумен-и-Хайирийя» («Сообщество благих дел»). Они имели отдельное кладбище, вблизи юртовского с. Три Протока. Знаковым для шиитов, ежегодным торжеством был праздник «Ашурра» — траурное, сопровождающееся кровопролитием рвание в память погибшего при Кербеле сына халифа Али, имама Хусейна. Более известное его название — «Шахсей-вахсей» (по выкрикам идущих в процессии верующих). По сей день астраханцы старшего поколения вспоминают связанные с ним свои детские впечатления.

Предельно ярко описано это ритуальное торжество самоистязания (послевоенные годы XX в., север Ирана) знаменитым английским писателем Джеймсом Олдриджем в романе «Дипломат». Но имеются не менее красочные местные картины его проведения. Так описывал это словами мальчишки-астраханца конца 1920-х гг. известный писатель, уроженец этих мест Ю.В. Селенский-Галишников: «С улицы раздался клич: «Ат-анда!» По Первой Бакалдинской шахсей-вахсей идет — срываемся зырить! По улице, направляясь к персидской мечети, шла странная и мрачная процессия ..., окруженная толпой сочувствующих, скорбящих ... Не диво ли, право, — белый всадник на белом коне с расчесанной гривой и украшенный лентами, как выходец из древнего мира. И всадник в белой чалме и белом балахоне с кинжалом в руке, устремленным к небу, — живой символ неумирающей веры, ... и в глазах — безумный огонь неотомщенной крови, и взор этот, как солнца луч, как стрела, устремлен в неведомую даль небес, к Пророку ...

За всадником обнаженные по пояс ... люди шли по центру улицы и заунывно пели мусуль-

манские молитвы .... Время от времени заводила кричал что-то гортанное, и тогда толпа падала на колени и ... раздавались возгласы: «Шах Хусейн! Вай Хусейн!» ...

И, отправляясь в дальнейшее шествие, мусульмане шиитского толка принимались хлестать себя по обнаженным спинам и плечам... По спинам и волосатым грудям струилась кровь, страшные глаза фанатиков пугали не только мальчишек, но и взрослых. Сами страдальцы обязаны были терпеть эту пытку молча, зато вопили свидетели этого потрясающего зрелища ...»¹.

Запрещенный властями в конце XIX в., этот праздник был возрожден благодаря либеральным манифестам и указам в 1903–1905 гг.

Астраханские и бакинские рабочие-иранцы, возвращавшиеся на родину, становились основой профсоюзных и революционных организаций. Уже говорилось о красной боевой дружине портовых грузчиков-амбалов, возглавляемой Ходятом (Идоетом) Эминбейли, участвовавшей в астраханских событиях в начале 1918 г.

Связи Астраханского края и Северного Ирана развивались по многим линиям. В тогдашнюю Гилянскую советскую республику в 1921 г. был направлен в качестве военного корреспондента и пропагандиста знаменитый поэт-новатор, астраханец В. В. (Велимир) Хлебников. Здесь он изучал шиитский суфизм и читал лекции о мусульманском оппозиционном сектантстве (бабизме — бахаизме) на тему «Мирза Бабб и Христос».

Затем, ввиду ухудшения отношений с новым шахским режимом, все иранские подданные были депортированы из Астрахани и других местностей СССР — это произошло в 1935–

---

¹ См.: *Селенский Ю.В.* Не расти у дороги. Астраханские повести. С. 53–55.

1938 г.¹ Уцелело старое здание консульства Ирана на набережной городского канала. Здание персидской (шиитской) мечети сохраняется как памятник истории и культуры, хотя лишилось двух башенок-минаретов, и в нем долго располагалась фабрика по изготовлению рыболовных сетей. Совсем недавно, в 2000–2005 гг., внешняя сторона здания была разрушена в результате незаконного строительства развлекательного заведения, которое полностью скрыло за собой историческое строение.

Депортация иранцев в 30-х гг. XX в. совпала с репрессиями против духовенства разных конфессий, сокращением числа общин и храмов. Осталось всего 6 (А.В. Сызранов) мечетей во всем регионе. Причем это число не увеличилось, как в других местностях в годы Великой Отечественной войны.

Изустно передается рассказ городских старожилов о соборе святого князя Владимира, освященном 15 июля 1902 г. в честь 900-летия крещения Руси². Прекрасное здание, построенное с помощью мастеров из Болгарии, пытались снести как раз в указанные годы. Однако его разрушению помешали представители жившего на соседних улицах татарского населения, окружив его живой стеной, а позже проникнув внутрь храма.

Это событие, как и сохранившаяся память о нем, во многом отражает специфику межконфес-

¹ Сначала свои, инициативные, затем одобренные Правительством Российской Федерации и ставшие систематическими, межрегиональные контакты Астраханской области с южным, иранским Прикаспием были восстановлены (с активной позицией астраханского руководства) начиная с 1995 г. Весьма эффективными и разносторонними являются они и на нынешний момент. Действует Генеральное консульство ИРИ (с 1 декабря 1997 г.), происходит обмен студентами, а колония проживающих в Астрахани с семьями персов, гилянцев и мазандеранцев вновь увеличивается.

² См.: История Астраханского края. С. 842.

сиональных отношений в Астрахани. Известно также и то, что еще в период ханства на земле храма находилось святое место мусульман — ауля Чюрэчке-баба (ногайск. — Шуракше-баба) и место было почитаемым приверженцами обеих религий. Впоследствии в сохранившемся строении более 30 лет располагался автовокзал. И только в 1999–2005 гг. храм объединенными усилиями астраханцев был отреставрирован и передан верующим.

Кроме молельных зданий, государство заинтересовалось неформальными местами исламского культа. В первую очередь это были могилы святых праведников, обычно расположенные на кладбищах.

На самой границе с Казахстаном, за с. Малый Арал Красноярского района находилось ауля (сформировалось к 1812–1815 гг.) совместного ногайско-казахского почитания — «Сеид-бабб Ходжетайлы и Букей-хан». Оно считается чудодейственным, ночлег на святых могилах излечивает от многих болезней. Это ауля чуть не было разрушено с санкции властей в конце 70-х гг. XX в., но этому помешали протесты жителей. Четверть века спустя, в 2001 г., здесь был учрежден областной общественный благотворительный фонд, а место почитания стало развиваться как крупный паломнический и туристический комплекс, освященный и благословленный муфтием области Назымбеком-хазратом¹.

Паломничества к другим астраханским аулям не были столь массовыми. Тем не менее эти места почитались в народе, что учитывалось и руководством сел и хозяйств. Видимо, не случайно практически все ауля в Приволжском районе (глинобитные хижины из саманного кирпича XIX в. и деревянные домики начала XX в.)

¹ См.: Сызранов А.В. Святые места мусульман Астраханского края. С. 21, 35.

в начале 1980-х гг. были укреплены с внутренней части аккуратной кладкой добротного кирпича. И сделано это было с негласного ведома властей.

В регионе появлялись и оформлялись новые группы мусульманского сообщества. Иначе и быть не могло, поскольку Астрахань и окружающие ее районы оставались своего рода перекрестком евразийских, в особенности прикаспийских миграционных маршрутов.

В 1957–1959 гг., после возвращения из ссылки репрессированных и депортированных народов, число их представителей стало возрастать и в Астраханской области: если в 1959 г. здесь проживали всего 59 чеченцев, то ныне их зарегистрировано примерно 10 тыс. человек. Стали активнее переезжать в область представители этносов Дагестана, сначала даргинцы, позже — аварцы и лезгины. По переписи 2002 г. аварцы по численности (4 тыс. человек) превосходили ранее лидировавших даргинцев.

Среди вновь прибывших было немало религиозных деятелей. Так, в 1970 г. после землетрясения, разрушившего многие села в их родном Цумадинском районе, в Астрахань перебралась аварская семья Омаровых, многие члены которой были мюридами тарикатов накшбандий и шазилий.

Миграционная обстановка осложнилась в конце 1980 — начале 1990-х гг., когда произошли вызванные развалом СССР крупные межэтнические конфликты. Одним из результатов этого стали новые вынужденные перемещения мигрантов. Осенью 1989 г. из Узбекистана в Астраханскую область было эвакуировано 1,2 тыс. турок-месхетинцев. Разместившись в селениях Астраханской области, они проживают здесь и поныне, снискав к себе доброжелательное отношение своей общительностью и трудолюбием. В с. Разночинка Наримановского района старейшины

турок-месхетинцев сделали добровольный взнос в строительство на селе православного храма. (Зато согласия по вопросу, в какой части села строить мечеть, между мусульманами-месхетинцами и здешними казахами достигнуто не было.)

Растет число мусульманских религиозных общин, причем происходит это в основном под контролем и при участии вновь учрежденного полтора десятилетия назад Духовного управления мусульман региона.

ГЛАВА 3

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДУХОВНОГО УПРАВЛЕНИЯ МУСУЛЬМАН АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ

В начале 1980-х гг. в Астрахани и пригородах действовали 4 мусульманские общины и, соответственно, 4 мечети. В настоящее время число мечетей превысило 40, а количество зарегистрированных мусульманских общин приблизилось к 60.

До начала 1990-х гг. религиозные общины в Астрахани и ее ближайших окрестностях организационно подчинялись лишь Духовному управлению мусульман Европейской части СССР и Сибири (ДУМЕС) в Уфе. Естественно, что они курировались Уполномоченным совета по делам религий при Совете министров СССР по Астраханской области. Эту должность занимал В.М. Мукорин, которого затем сменил В.А. Смирнов.

Постепенно начали складываться новые структуры руководства религиозными объединениями мусульман Астраханской области. V съезд ДУМЕС в Уфе 6–8 июня 1990 г. присвоил председателю Духовного управления Талгату Сафа Таджуддину титул шейх-уль-ислам и наметил новую структуру управления на местах. Президиум ДУМЕС на заседании 15 января 1991 г. принял решение о восстановлении мухтасибатных окру-

гов, возглавивших местные исламские приходы¹. Всего насчитывалось 25 округов. Одним из них стал Астраханский мухтасибат². Утверждение новой структуры руководства происходило в течение 1991 г., о чем публично было оглашено 31 октября на первом областном Дне предпринимателя, где присутствовал в своем новом качестве руководитель исламского духовенства региона.

Имамом-мухтасибом стал настоятель городской мечети № 1 («Вахабийя») Назымбек-хазрат (Назымбек Актажиевич Ильясов). Новый имам-мухтасиб родился в 1951 г., получил в самой Астрахани индустриально-педагогическое образование, а затем окончил с отличием духовные учебные заведения в Узбекистане и Марокко. Назымбек-хазрат — уроженец с. Татаро-Башмаковка (Кизань-аул), где проживает юртовская группа населения, имеющая ногае-татарское происхождение. Интересно отметить, что в 2002 г., Н.А. Ильязов (занимавший к тому времени еще более высокий духовный пост) был избран вице-президентом Федеральной национально-культурной автономии ногайцев России. Род Ильязовых имеет также персидские, предположительно гилянские корни.

Однако, в рассматриваемое время разногласия в управлении мусульманскими общинами России и СНГ усилились. Все чаще параллельно с прежними территориальными духовными управлениями мусульман, а иногда вместо них, возникали новые (в бывших союзных, автономных республиках). За свое независимое Духовное управление активно ратовали и активисты Ис-

---

¹ Были созданы в ряде местностей России, в том числе и в Астрахани (имам-мухтасиб А.И. Умеров) после постановлений Временного правительства от 20 марта 1917 г. «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений» и от 14 июля 1917 г. «О свободе совести».

² См.: *Силантьев Р.А.* Новейшая история ислама в России. С. 88.

ламской партии возрождения, проведенные 9 июня 1990 г. в Астрахани свой учредительный съезд.

8–10 ноября 1992 г. на IV Чрезвычайном съезде мусульман Европейской части СССР и Сибири в Уфе ДУМЕС был преобразован в Центральное духовное управление мусульман России и европейских стран СНГ (ЦДУМ). Т.С. Таджуддин получил титул Верховный муфтий России. Н.А. Ильязов стал членом правления («Шура»), а затем Исполкома Духовного управления. А с ноября 2005 г. он оказался сначала одним из заместителей, а вскоре одним из первых заместителей председателя ЦДУМ. На этой позиции он остается и по сей день.

Мухтасибат был зарегистрирован как Духовное управление мусульман Астраханской области (ДУМ АО) в местных органах юстиции в 1992 г. и перерегистрирован в 1993-м. Решением исполкома ЦДУМ от 3 мая 1994 г. мухтасибаты переведены в более высокий статус муфтиятов и региональных духовных управлений мусульман (РДУМ)¹. Муфтием и председателем Астраханского регионального управления мусульман (АРДУМ) вновь стал Назымбек-хазрат.

Основными направлениями АРДУМ остались собственно религиозно-культурная и благотворительная деятельность, контакты с областным руководством, организациями иных конфессий, религиозное образование, совершенствование учебной работы в Исламском институте «Хаджи-Тархан» и многое другое.

В то же время вновь образованному муфтияту пришлось решать непосредственно религиозные вопросы, в частности проблемы различных исламских трактовок, давать оценку распространенным среди части мусульман радикальным взглядам. Особым направлением

¹ См.: *Силантьев Р.* Новейшая история ислама в России. С. 62.

стало поддержание организационного единства мусульман области. Были жестко пресечены попытки создавать мусульманские общины на сугубо этнической основе. В частности, на этом настаивала группа казахской общественности. В дальнейшем подобных проблем не возникало, а шафиитская община мечети № 3 охотно вошла в АРДУМ.

Альтернативу и даже зримую оппозицию ЦДУМ и АРДУМ составляли политизированные течения: с одной стороны, «обновленцы» различного толка, близкие тогда к партии «Нахдат», а также «молодые имамы», ратовавшие за более активное участие мусульман в политике и за обязательное их участие во власти. Последние остро критиковали позицию и взгляды Т. С. Таджуддина и его последователей, считая их слишком конформистскими по отношению к светской власти.

В августе 1992 г. в Саратове было создано Межрегиональное духовное управление мусульман Поволжья, которое возглавил имам-мухтасиб Мукаддас Аббасович Бибарсов. В октябре 1994 г. здесь же прошел I съезд этой организации. В съезде принимала участие делегация Астраханского областного общества татарской национальной культуры «Дуслык» («Дружба»), осветившая затем свою поездку на местном радио. (Правда, затем выяснилось, что у этой организации не было никаких полномочий представлять на этом мероприятии кого бы то ни было, кроме самой себя.)

В январе 1994 г. было образовано Духовное управление мусульман Центрально-Европейского региона (ДУМЦЕР), которое возглавил настоятель Московской соборной мечети муфтий Равиль Исмагилович Гайнутдин. В сентябре 1994 г. ДУМЦЕР объявило о выходе из ЦДУМ. В январе 1999 г. оно было переименовано в Духовное управление мусульман европейского региона

России (ДУМЕР). Саратовское ДУМП после своего образования вошло в ДУМЦЕР. Руководители ДУМЕР и ДУМП вошли в состав образованного в 1996 г. Совета муфтиев России (шейх Равиль Гайнутдин стал его председателем)¹.

На базе приходов Ульяновской области в 1994–1998 гг., и позже — в 2001 г., имели место попытки создать ДУМ «Ассоциация мечетей», примыкавшее то к одной, то к другой организационной группе. С «Ассоциацией» связан созданный летом 2002 г. на базе одного из оренбургских муфтиятов братьями Шангареевыми так называемый «Исламский правозащитный центр»². Таким образом, в руководстве мусульманских общин России сохраняется заметный полицентризм.

В Астраханской области политизированные имамы-настоятели правобережных мечетей (построенных с помощью региональной власти) часто высказывали недовольство деятельностью Назымбека-хазрата, пытались выйти из-под его подчинения.

По оценке Р.А. Силантьева, региональное ДУМ Астраханской области сохранило свое единство, однако лидеры нескольких общин перешли в оппозицию астраханскому муфтию, периодически угрожая войти в состав ДУМ Европейской части России или ДУМ Саратовской области (ДУМ Поволжья)³.

Любопытно звучит признание бывшего имама мечети № 15 (Старая Кучергановка) Р.М. Кенжалиева, снятого с должности Назымбек-хазратом после столкновения в данной мечети 4 июня 2004 г. По его словам, «с 2000 года многие

¹ См.: Силантьев Р. Новейшая история ислама в России. С. 88, 235–236, 244 и др.

² Там же. С. 88–90, 129–130, 235, 240, 243, 274–275, 368.

³ См.: Силантьев Р. Новейшая история ислама в России. С. 278.

прихожане выражали недовольство по поводу того, что мы входим в состав АРДУМ, и выразили желание перейти под юрисдикцию Духовного управления мусульман Европейской части России (ДУМЕР, г. Москва)»¹.

Парадоксально, но конфликт в области разгорелся весной 2004 г., как раз в то самое время, когда сами ЦДУМ и ДУМЕР, Совет муфтиев искали и успешно находили способы примирения и сотрудничества². Вместе с тем впоследствии ДУМЕР и ДУМП оказали поддержку инициаторам строительства «оппозиционной мечети № 34». Хотя, по мнению Администрации Президента России, все должно было решаться на основе гражданского законодательства, в судебном порядке, а вне зависимости от собственно религиозных расхождений.

Муфтий АРДУМ Назымбек-хазрат приводит факты, когда приглашенные в конце 90-х гг. XX в. в летние мусульманские лагеря под Саратовом астраханские ученики начальной школы, воспитывались там в духе нетерпимости, конфронтации с другими детьми. По его словам, «им внушили так, что они теперь со своими сверстниками дерутся за то, что те якобы не так себя ведут и молятся»³.

Однако на фоне отсутствия единства между духовными управлениями, распространением

¹ См.: «Меня вынудили подписать показания»... Заявление бывшего имама // http://www.islam.ru/pressclub/vslux/kenjaliev/?print_page. Ср.: Проблема: в мечети Старой Кучергановки: на муфтия Назымбека-хазрата набросились с кулаками. Ваххабизм в Астрахани. Интервью с муфтием Назымбеком-хазратом // Комсомолец Каспия. Астраханская обществ.-политич. молодеж. газета. 2005, 23 февраля. № 15 (6035). С. 2.

² См.: *Силантьев Р.* Новейшая история ислама в России. С. 142–143, 255.

³ См.: Радикализм от имени ислама и Астраханский край (Матер. встречи за круглым столом в ред. газеты «Астраханские известия» 13 октября 1999 г.) // Инф. бюллетень Адм. Астраханской обл. 1999. № 4, ноябрь. С. 70.

радикальных тенденций в исламе, ростом активности экстремистских групп, в том числе в непосредственной близости от Астрахани — на Северном Кавказе, следует признать, что обстановка в области оставалась сравнительно спокойной. Астраханцы сумели избежать острых межконфессиональных противоречий, а отношения между лидерами мусульман, несмотря на различия во взглядах, почти не выходили за рамки устной полемики и своего рода конкуренции за паству.

ГЛАВА 4

СЪЕЗД ИСЛАМСКОЙ ПАРТИИ ВОЗРОЖДЕНИЯ «НАХДАТ» 9 ИЮНЯ 1990 г.: САЛАФИЗМ И МУХМИНСТВО НА АСТРАХАНСКОЙ ЗЕМЛЕ

Оценивая процессы, происходящие в исламской идеологии, автор (как и его соавторы по исламским исследованиям) не согласен с терминами «исламский фундаментализм» и «ваххабизм». Хотя А.В. Сызранов, как и многие другие ученые, принимает последнее условно, в связи с его общераспространенностью¹.

Встречаются и иные обозначения разных ветвей данного, ставшего многообразным, направления — исламисты, радикалы, джихадисты. Есть и более мягкие варианты — чистые мусульмане, мувахиддины (последователи единобожия, та'ухида), мухмины. (Некоторые ученые, в том числе А.В. Сызранов, предпочитают написание «мумины»).

В нынешней России под понятием «ваххабизм» может пониматься любое «обновленчество» или «возрожденчество», следование саудовской модели, экстремизм, связанная с этим тенденция интенсивной политизации ислама, возвращения к идеям халифата и джихада. Этот

---

¹ См.: Сызранов А.В. Ислам в Астраханском крае: история и современность. С. 125.

термин зачастую используется и просто как бранное прозвище — удобный ярлык для оппонентов, но никак не их идентичность по признаку веры.

Гораздо более приемлемым и корректным, на наш взгляд, представляется другое наименование — салафизм, салафиты (от араб. ас-салаф-ас-салих — «праведный предок», «обращение к праведным предкам»).

Астраханскому региону довелось сыграть косвенную, но очень заметную роль в становлении нового салафизма в России 90-х гг. XX в. Астрахань вошла в историю нового российского салафизма. Именно здесь в июне 1990 г. на нелегальной «всесоюзной» учредительной конференции была создана получившая затем широкую известность первая политическая организация под эгидой ислама — Исламская партия возрождения «Нахдат».

Инициативные группы ИПВ работали в Москве и Дагестане, небольшую группу поддержки им удалось сформировать в самой Астрахани. По имеющимся данным, оргкомитет Исламской партии возрождения был еще в конце 1989 г. зарегистрирован в одном из райисполкомов Москвы. Оргкомитет же самой конференции располагался на базе некоего религиозного общества в г. Кизилюрте в Дагестане.

В распоряжении автора находятся документы, связанные с подготовкой данного съезда (см. приложение), обнародовать которые, думается, настало время. Как современник событий, занимавшийся проблемами ислама уже тогда, работавший в Астраханском облисполкоме и отвечавший за вопросы межнациональных отношений, я буду опираться на личные воспоминания, связанные с общением с участниками конференции, обширной устной информацией, почерпнутой из бесед с участниками съезда, а также любопытными газетными материалами «по следам событий».

Некоторые приводимые здесь сведения публикуются впервые.

Известно, например, что на запрет Астраханским горсиполкомом на проведение съезда и бронирование гостиниц для его участников (приложение, документы № 4–5, переложение) инициаторы из Кизилюрта ответили по-салафистски просто: «Нам Аллах все разрешил!» А на вопрос: «Почему в Астрахани?» последовало разъяснение: «Здесь у вас мирно и спокойно!»

При заявке на 300 участников на конференцию в Астрахань съехались более 50 человек — прежде всего из Дагестана, Среднего Поволжья, из Москвы и Таджикистана¹.

Документально события развивались следующим образом. В адрес уполномоченного совета по делам религий при Совмине СССР по Астраханской области В. А. Смирнова² поступило письмо неизвестного жителя, рабочего из Кизилюрта (очевидно, аварца, из традиционных мюридов), имеющего в Астрахани родственников и друзей, написанное 4 мая 1990 г. Начато оно добрыми словами в связи с передачей за год до этого верующим, северокавказским суннитам-шафиитам, мечети № 3 на «Больших Исадах»: «Выражаем Вам искреннюю благодарность за усилия, прилагаемые вами в решении возникающих проблем у верующих мусульман.

¹ Именно поэтому не раз подчеркивался интернациональный характер состава участников и инициаторов, см.: Ланда Р.Г. Ислам в истории России. М., 1995. С. 254–255.

² Вячеслав Анатольевич Смирнов — уроженец казахского села Камызякского р-на, школьный учитель, затем преподаватель учебного заведения милиции, заведующий городским отделом образования. Превосходный знаток тюркских языков и традиций культуры, исламской и других религий. В дальнейшем возглавлял отдел по связям с общественными, национально-культурными и религиозными объединениями в администрации (мэрии) Астрахани вплоть до выхода на пенсию. Скончался летом 2006 г.

Мы, верующие мусульмане в Дагестанской ССР с признательностью восприняли известие об открытии общины на рынке «Большие Исады». Астраханский облисполком и Вы правильно понимаете задачи перестройки.

В благодарность за Ваши усилия хочу предупредить Вас от злоупотреблений со стороны отдельных лиц, считающих себя верующими... Есть фанатики, которые могут испортить политику государства, нагнетать обстановку в стране. Они являются ваххабитами».

Автор письма осудил их как ведущих в это самое время «подстрекательскую работу по организации нелегального выезда верующих мусульман в июне с. г. на паломничество в Мекку и Медину, Саудовскую Аравию в обход законных путей»¹. Завершается послание так: «Верующие мусульмане Вашу доброту и уважение к ним не забудут. Мусульмане — хорошие интернационалисты, и Вы это своевременно поняли... Товарищ уполномоченный, Вам я желаю больших успехов в работе. Да благословит Вас и Президента СССР Аллах!»

Вскоре за этим письмом поступило обращение оргкомитета от 20–23 мая 1990 г. (за две недели) о проведении съезда в Астрахани (приложение, документы № 1, 2, 3). В эти же дни уполномоченным по делам религий были проведены беседы с приехавшими инициаторами А.К. Керимовым и А.А. Омаровым, будущим духовным вождем Айюбом Астраханским, осуществлявшим челночные связи между регионами, а также с местной группой поддержки, членами оргкомитета Р.М. Халиковым и

---

¹ Это была одна из задач готовившейся конференции партии «Нахдат» и ее участников. Дипотношения с Саудовской Аравией были установлены в 1991 г. Но уже в 1990 г. Президент СССР принял решение договориться о проведении хаджа через территорию третьих стран.

В.А. Абульясовым. Состоялись собрание верующих в с. Осыпной Бугор, где жила семья Абульясовых, встреча в мечети № 5 («Белая», «Гилянская»), где муэдзином был М.-Г. М.-М. Абдразаков, а председателем совета — ветеран Ангута М. Омаров, не согласный с сыном и споривший с ним.

Последовала подробная справка уполномоченного по делам религий «Об обстановке среди исламских фундаменталистов или сторонников так называемого «чистого ислама» в гор. Астрахани»¹.

Съезд формально все же был проведен в один день — 9 июня, хотя и в сокращенном формате. Было арендовано помещение актового зала Областной автошколы ДОСААФ (ул. Николая Островского, 127), в которой Р.М. Халиков, проживавший в близлежащем юртовском с. Кулаковка, работал садовником.

На съезде было избрано руководство новой партии: ее амир (руководитель) Ахмад-Кадри Ахтаев (1940–1998), затем депутат Народного собрания Дагестана. Врач по образованию, он был уважаемым исламским лидером. При его жизни партия занимала умеренную и достаточно лояльную позицию.

Уполномоченными по местностям Северного Кавказа стали братья, арабист и опытный проповедник Багауддин К. Магомедов (Кебедов) и председатель инициативной группы съезда Аббас К. Кебедов (все — аварцы).

Идеологом новой партии стал Г.Д. Джемаль, журналист и писатель, ныне председатель Исламского центра России, а ее пресс-секретарем — татарин из потомков нижегородских мишарей в Москве, научный сотрудник Института мировой литературы РАН В.-А. Г. Садур (его

¹ Текущий архив Астраханского облисполкома за 1990 г. Копии — в личном архиве автора.

роль в событиях автор считает особенно значимой¹).

Съезд принял (в проектах) программу и устав партии, а также «Обращение к мусульманам СССР» и резолюцию по межнациональным отношениям.

В дальнейшем заметно проявили себя отдельные ИПВ в Дагестане, а также ИПВ Таджикистана, принявшая активное участие в боевых действиях и пришедшая к власти в составе демоисламокоалиции.

Собственно астраханская группа сторонников Исламской партии возрождения «Нахдат» изначально была очень невелика — в пределах семи человек.

Это были ногайские татары, юртовцы Халиков Рашид Мурзабекович (спустя несколько лет, в конце 1990-х гг., после несостоявшегося хаджа он сменил имя на арабизированное — Габд-ур-Рашит Габд-ул-Халик), садовник в автошколе; с. Кулаковка, Абульясов Валит Ахметович — разнорабочий; с. Осыпной Бугор, аварцы Абдразаков Магомед-Гаджи Мавлидмагомедович, шофер рынка № 1, и его брат Абдразаков Абдуразак Мавлидмагомедович, Омаров Ангута Магомедович (будущий Айюб). Через несколько лет (в 1993–1994 гг.) к ним присоединился и ветеран Магомед Ангутаевич Омаров-старший.

Обращает на себя внимание низкая образованность астраханской группы сторонников «Нахдат». Все основные участники событий на тот момент — примерно одного возраста, 40 лет, кроме 50-летних Ацаева и Багуаддина А. Магомедова (Кебедова) и 30-летнего Ангуты М. Омарова.

---

¹ Об истоках событий см.: Садур В.Г. Мусульмане в СССР: история и современность // Сборник «На пути к свободе совести» («Перестройка: гласность, демократия, социализм»). М., 1989. С. 418.

Своими экстремистскими суждениями они быстро настроили против себя сторонников традиционного ислама, тем более образованную часть общественности, интеллигенцию, старшее поколение, а далее совсем уж неудачно попытались вступить в конфронтацию с властными структурами в области и ее районах.

Примкнувший к астраханской группе и возглавивший ее Явит Гадиуллович Ахмадуллин, пенсионер, бывший фининспектор — наиболее грамотный, но наименее компетентный в практических вопросах (предлагал кооператив по... памятникам на кладбище и развитию этнических культур), был против «исламского государства, невозможного ни на Ближнем Востоке, ни тем более в Средней Азии»¹.

Понятнее и откровеннее высказывался Р.М. Халиков, искажая, впрочем, события и суть дела в свою пользу: «На наш учредительный съезд было приглашено около 400 гостей из разных концов страны и из-за рубежа. К сожалению, не все они смогли приехать. За 20 дней до мероприятия мы написали письмо в горисполком с просьбой разрешить его проведение. В результате — отказ. Обратились в облисполком — тоже.

Мы арендовали помещение актового зала автошколы ДОСААФ, договорились об этом с ее дирекцией. Однако и во время съезда нам пытались помешать: зам. начальника Советского РОВД потребовал освободить помещение. Съезд пришлось к вечеру свернуть, хотя его программа была рассчитана на два дня, 370 делегатов узаконили создание нашей партии. Принята резолюция по межнациональным отношениям, избраны руководящие органы. Программа и устав будут приняты на следующем съезде ...

---

¹ Интервью с Я.Г. Ахмадуллиным. Восстанавливая утраченный образ жизни // Астраханские известия. 1991, 30 мая. № 22 (74).

Нас объявляют чуть ли не экстремистами. Но это не так: мы выступаем за чистоту ислама, за соблюдение всех его заповедей, Мы должны возродить свою религию во всем мире. Мы не верим официальным муллам. В исламе они «аппаратчики»: далеки от проповеди идей нашей религии».

Выступление в районной газете Р.М. Халикова прокомментировал В.А. Смирнов: «Заявление организаторов съезда в горисполком было написано в ультимативной форме, с нарушением положений указа Президиума Верховного Совета СССР. А потому было отклонено. Кроме того, сами мусульмане Астрахани были категорически против проведения такого съезда. Советую обратиться за комментарием к имаму мечети, прихожанам-мусульманам»¹.

Но астраханские ранние салафиты-возрожденцы жестко, с угрозами требовали передачи им клуба в с. Кулаковка — бывшей мечети. Вместе со студентами из арабских стран они попытались создать свою общину в освобожденной от фабричного обрудования мечети № 5 («Белой», или «Гилянской»), где Омаров-старший был председателем, а сам Абдразаков — муэдзином на общественных началах. Проповеди (на некоторых из них автор побывал) проводились на русском языке и отличались вызывающим, агрессивным содержанием.

Перегруппировка сил наступила к 1994 г. Блестяще завершив богословское обучение у Багаутдина (Баха-эд-Дина), Ангут М. Омаров создал свою общину на базе собственного дома на «Больших Исадах». Именно с этого времени он приобретает известность как Айюб Астрахан-

---

¹ Интервью с Р.М. Халиковым и комментарий к нему. Ислам победит? // Коммунист Приволжья. 1990, 28 июня. № 76 (1425).

ский. Постепенно он вырабатывает собственную позицию, менее радикальную, чем у его учителя.

Общину посещали Халиков и Абульясов, несколько русских новообращенцев и представителей этнически смешанных семей. Они стремились постичь мусульманство в его, как они считали, исконной форме. Но основной частью собиравшихся были аварцы, занимавшиеся на рынках города посреднической торговлей.

Личные встречи и неоднократные беседы с Ангутой-Айюбом оставили о нем благоприятное впечатление, как о человеке здравомыслящем, расположенном к общению. Поэтому нельзя согласиться с нередко встречающимися даже в научных трудах объявлениями его радикалом, тем более экстремистом. Хотя по внешнему облику (борода и брюки в носки), поведению (не курит, не употребляет спиртного, тем более наркотиков), отказу от фотографирования, своей благочестивостью он отличался от большинства мусульман. Соседи на «Больших Исадах» воспринимали необычность его сторонников спокойно, уважали за деликатность и не испытывали проблем в общении с ним.

Айюб строго отличал свое мухминство (называл его настоящим исламом, лишь уточняя по просьбе собеседника) от саудизма, признавая лишь видимое сходство. А принцип джихада выражал вполне нейтрально, как постижение и распространение слова и дела Пророка.

Аварцы братья Абдразаковы в те годы создали в той же части Астрахани, но за городским каналом, собственную салафистскую группировку (по слухам, близкую к саудистской). Внешним обликом они выделялись не столь явно, как мухмины Айюба.

Общий состав обеих групп достигал 300 человек, имела место конкуренция лидеров и обмен участниками: часть салафитов, сохраняя

особые внешние черты, примкнула к подконтрольной муфтияту мечети № 5.

Военно-политический кризис в Чечне (Ичке-рии) и вокруг нее, в соседних районах Дагестана с осени 1994 г. обострили ситуацию среди мусульман, в том числе в руководстве исламского сообщества. Этому способствовало неграмотное, порой провокационное освещение этих событий в центральной и местной прессе. Так, в московской газете «Сегодня» Астрахань (наряду с Волгоградом) была объявлена центром российского ваххабизма. Утверждалось, что в лагерях вокруг города готовят боевиков.

Тем временем в августе 1988 г. в Кадарской зоне Дагестана в трех больших селах была провозглашена особая «исламская территория». Спустя год, в августе 1989 г., в Дагестан вторглись боевики Шамиля Басаева и Хаттаба. Бои шли в течение месяца. Большие группы аварцев и других уроженцев Дагестана срочно выехали на историческую родину, чтобы защищать ее от нападавших. В то же время (по некоторым оценкам) более сотни салафитов выехали, чтобы сражаться на противоположной стороне. Уцелели из них и вернулись в «мирную Астрахань» лишь считанные единицы.

Позиция Айюба в этой непростой ситуации была довольно корректной. Несколько руководителей салафитских организаций внутренних регионов России, собравшись в середине 2000 г. в районе Дербента, заявили о своем неприятии войны и насилия и осудили боевые действия (с обеих сторон).

Двусмысленная и осторожная позиция астраханского джамаата мухминов привела к тому, что он оказался в «кольце неприятия» со стороны как умеренной исламской общественности, официальных духовных авторитетов, так и со стороны лидеров экстремистских группировок в самой

Астрахани и на Северном Кавказе. Не был понят джамаат и местными мусульманскими торговыми кругами, ориентированными на мюридской ислам. При этом члены джамаата сохранили неплохие отношения со своими соседями по микрорайону «Большие Исады».

С начала 2000 г. Ангута-Айюб, после угроз и попыток нападения, был вынужден скрываться — сначала в России, а затем за границей, в азиатских или европейских странах дальнего зарубежья. С тех пор в Астрахань он, по нашим данным, не возвращался.

Численность джамаата оставалась на уровне 50–70 человек. Всеми вопросами занимались отец Айюба, ветеран войны Магомед Ангутаевич, старший брат и Омар Магомедович (глава ООО «Омар»), а также временный амир джамаата Магомед-хаджи.

Интерес к Астрахани и ситуации в ней продолжал быть значительным. Правда, о «базах боевиков» в пригородных пионерлагерях писать перестали, зато в прессе допускались такие выражения, как «старые» и «новые» мусульмане, утверждалось, что страна и регионы «впадают в этноконфессиональный штопор».

В течение 2000 г. тон публикаций стал более сдержанным. Начало взвешенному подходу было положено материалом «Ваххабиты на Волге» (Время-МН. 2000 г., 22 февраля. № 26 (413)), затем появилась подробная, компетентная и даже остроумная статья уроженца Дагестана Бахтияра Ахмедханова «Жизнь «ваххабита» на перекрестке окраин. «Исламский фактор» на астраханском базаре был бородат и миролюбив» (Общая газета. 2000, 19–25 октября. № 42 (376)).

По словам журналиста, его «поразила реакция прохожих, вернее, ее отсутствие — никто на многолюдной улице даже не обернулся на странных граждан, все спокойно продолжали зани-

маться своими делами. Астрахань действительно очень разный город. В городе о «бородатых» не говорят почти ничего. Самый распространенный ответ: они у нас давно и никому не мешают.

Местным руководителям члены джамаата благодарны за то, что здесь их не заставляют брить бороды и дают возможность работать и кормить семьи. Астрахань они называют своим домом и, похоже, говорят правду. Мухмины так и отвечали: «Мы осуждаем эту войну — как и любую войну в принципе... В Чечне нет джихада — именно поэтому мы оказались между двух огней».

То же самое мухмины говорили и автору данной книги: «Мы в Астрахани можем спокойно жить и молиться без греха язычества». И еще: «Если бороды носим — не значит к войне призываем». «Сами не голосуем на выборах, но другим говорим: «Поддержите — власть правильная!».

Нынешний руководитель референтуры губернатора Астраханской области М. Б. Блиер (тогда возглавлявший информационный департамент) отмечал, беседуя с Б.А. Ахмедхановым: «Такое чувство, что тема ваххабизма кому-то выгодна, она постоянно обсуждается, причем не у нас, а в Москве». Мне несколько раз говорили: «У вас ваххабиты по улицам разгуливают, почему миритесь?»

Стоит только начать муссировать проблему, как она тут же возникает. «Непримиримых» всех мастей формирует сама власть, которая с ними же и борется. Так называемый ваххабизм в Астрахани — это форма бытования ислама. Мы имеем дело с формой исламского протестантизма, носители которой не нарушают российских законов. Все ваххабиты занимаются торговлей на Кировском рынке, это своего рода купеческая гильдия, защищающая интересы своих членов.

Спор, хотя и не принципиальный, состоялся за круглым столом в редакции газеты «Астраханские известия» 13 октября 1999 г. Муфтий области Назымбек-хазрат, покритиковав оппонентов, вполне добродушно оценил их как «полновесную общину заметного количества людей Астрахани, которая активно проявляет себя и в религиозной, и в житейской сфере — торговле на базаре».

С точки зрения представителей органов власти (начальники профильного управления В.Я. Мизов, ныне — тоже референт губернатора области), мухмины и салафиты вообще — юридически не община, а, скорее, незарегистрированная группировка, созданная по религиозному признаку¹.

Другое дело, что независимость, скорее — неподконтрольность мухминов, — устраивала не всех. И парадоксальное выражение в их адрес: «мирные ваххабиты» — только еще начинало звучать.

В Ингушетии 2 августа 1998 г. совместным решением президента и общественности пропаганда ваххабизма была запрещена. По свежим следам боевых событий Народное собрание Дагестана 16 сентября 1999 г. приняло закон «О запрете ваххабистской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан». Приезд в Астрахань представительной делегации Духовного управления мусульман Дагестана 6 декабря 1999 г. был связан и с предложениями распространить действие аналогичного закона на Астраханскую область и другие регионы России. Тогда под его действие подпадал бы и весь джамаат мухминов, и все салафиты, невзирая на их различия между собой.

В таком неустойчивом положении астраханские салафиты (включая мухминов) продолжают

---

¹ См.: Радикализм от имени ислама и Астраханский край (Матер. встречи за круглым столом в ред. газеты 13 октября 1999 г.).

находиться и по настоящее время. Считать всех «обновленцев в исламе» мирными и законопослушными нельзя, как минимум, на том основании, что некоторые активисты «Нахдат» имели в разное время серьезные конфликты с законом.

Судя по листовкам, видеоматериалам, тиражируемым идеологами «сопротивления» в Чечне и Дагестане, «группы избранных» — под тем же арабским обозначением, «джамааты», рассматриваются как прообраз будущего всемирного исламского государства — халифата.

Решительно, хотя и избирательно, отвергаются новшества — беда (как в вере, так и в светской жизни), имеют место оскорбления в адрес кафиров (неверных), христиан и иудеев, а атеистов, а также лицемеров (мунафикам) из числа мусульман, джахилистов (язычников). Звучит угроза жесткой кары по шариату на этом свете и «огненной расправы» на том.

Угрозу представляет проповедь джихада исключительно как войны, чем радикальные салафиты отличаются от мухминов. В этом контексте опасны и «методические» советы, типа «как жить и действовать, ведя джихад», ибо де-факто они оборачиваются призывами к практическим действиям по разрушению общественного порядка и целостности России. Подлинный смысл ислама сознательно искажается, что компрометирует эту религию, ее культуру и вероучение в глазах общества.

ГЛАВА 5

МУСУЛЬМАНСКОЕ СООБЩЕСТВО: СВЯЗИ И КОНТАКТЫ

Ислам и православное христианство составляют две ведущие по численности конфессии, между которыми установился дух взаимопонимания. Доброжелательные отношения сложились между официальными лидерами всех религиозных общин. Они действуют в тесном контакте и входят в представительный общественный орган — Этноконфессиональный совет при губернаторе области. Первое заседание Совета состоялось 10 октября 2005 г., и на нем было принято решение о том, что общегражданское и региональное начало выше также важного этнокультурного, общинного.

Мусульмане занимают в жизни Астраханской области важное и достойное место. Ислам на протяжении столетий является фактором формирования образа жизни больших этнических групп Астраханского края. Исламская традиция никогда не прерывалась. В то же время она проявлялась и проявляется в неодинаковых формах и с различной степенью глубины — в городе и на селе, а также у разных этносов. Зачастую в житейской практике важнее оказывается не само вероучение, а понимание того, что же считается исламом в данном населенном пункте, у конкретной этнической группы населения.

По подсчетам автора, с 80-х гг. XX в. основные этнические и конфессиональные группы населения области пропорционально представлены в представительных органах власти и административных структурах.

Известны депутаты с многолетним стажем Р.И. Мухамедьяров, профессор Госмедакадемии (городской татарин), специалисты сельского хозяйства Ш.А. Сарыев (имеющий татарские и ногайские корни), Н.А. Кабикеев (казах). Длительное время депутатом по городскому округу являлся главврач детской больницы, доктор медицинских наук Р.И. Нургалиев (казах, возглавлял подкомиссию по национальным и связанным с ними вопросам в областном Совете).

Молодую и новую группу народных избранников представлял генеральный директор мебельного комбината А.А. Пашаев (1963 г. рожд., уроженец Дагестана, его род имеет смешанное кумыкское и турецкое происхождение). Регулярно выдвигаясь по городскому округу № 20 (территория известнейшего в Поволжье рынка «Большие Исады»), он добивался депутатского мандата, хотя на выборах в Госдуму области 8 октября 2006 г. он уступил виртуальному кандидату «против всех». Представлены мусульмане и выходцы их из среды в сфере образования, культуры и искусства.

Большинство перечисленных политических деятелей (в первую очередь А.А. Пашаев, Ш.А. Сарыев) поддерживали реставрацию и строительство мечетей, возглавляли соответствующие благотворительные фонды.

Особенно отметим, что именно у представителей мусульманских национальных меньшинств наиболее ярко выражено стремление получить высшее образование. Уже отмечалось, что с конца 1980-х по начало 1990-х гг. число казахов, окончивших вузы, возросло на 80%, а татар —

на 70% (у русских показатель 30%)¹. Более того, с развитием коммерческого образования данный процесс стал еще более интенсивным.

Таким образом, выравнивание уровня получения высших квалификаций между этническим большинством и меньшинствами фактически состоялось — причем специальными мерами, предпринятыми в 60–70-е гг. XX в. в обучении (в вузах оно ведется на русском), была решена проблема языка обучения.

Тесные связи высших учебных заведений установлены с соседним Казахстаном и странами Прикаспия. На базе Астраханского технического университета с 1996–1997 гг. действует центр Ассоциации университетов стран Прикаспия.

Просветительские информационные материалы, раскрывающие смысл исламской религии, регулярно появляются на страницах выходящих в Астрахани на двух языках татарской газеты «Идель» («Волга») и казахской «Ак Арна» («Чистый родник»).

Конфессиональный (хотя синкретичный) компонент имеет весенний праздник «Навруз» («Наурыз»), отмечающийся ежегодно в апреле в городском парке, начиная с 1992 г. Теперь в этом мероприятии принимают участие Генконсульства Ирана и иранского культурного центра, гости из стран Прикаспия.

Справляются традиционные в исламе праздники «Ураза-байрам» и «Курбан-Байрам». Причем руководство области неизменно направляет землякам-мусульманам слова теплого приветствия. В домашней обстановке принято приглашать гостей и соседей, вне зависимости от того, к какой религии они принадлежат.

---

¹ *Викторин В.М.* Межэтническая ситуация в Астраханской области: культурные, социальные, политические проблемы. Астрахань, 1998. С. 9.

Неоднократно в 1989–1992 гг. в здании областной филармонии Департамент культуры, совместно с религиозными общинами и национально-культурные обществами при участии студентов из арабских и других мусульманских стран Азии и Африки проводил красочный фестиваль-концерт «Рамазан», с непременно трансляцией его по областному телевидению.

Астраханцы разных национальностей, как правило, неплохо знакомы с исламом в целом, его культурно-бытовыми особенностями, а также разбираются в его этнических и региональных отличиях.

Все это косвенно способствует улучшению образовательно-просветительской работы, расширению исследований в сфере регионального востоковедения и исламоведения.

Преподавание восточных языков (персидского, арабского, турецкого) ведется на факультете иностранных языков Астраханского государственного университета, где 6 лет назад, в 2001 г., была открыта специальная кафедра (добившаяся успехов своих воспитанников на трех общероссийских олимпиадах по языку фарси). Многие студенты кафедры ранее окончили Российско-турецкий лицей, работавший в г. Астрахани с 1993 г. и ныне преобразованный в исключительно российское (хотя и с языковой спецификой) учебное заведение.

К межрегиональному взаимодействию следует отнести и посещение региона делегацией Духовного управления мусульман Дагестана 6 декабря 1999 г., и проведение в 2000 г. именно здесь с участием верховного муфтия Т.С. Таджуддина и муфтия Н.А. Ильязова Мусульманского миротворческого форума муфтиев юга России.

Упомянем также и масштабное паломничество с территории соседнего Казахстана на аулья «Сеит-бабб и Букей-хан», а также жителей Се-

верного Кавказа, по большей части — Дагестана, включая шейха Саид-эфенди Ацаева-Чиркейского с сопровождавшими лицами на мошаикское ауля «Махмуд-ишан (эфенди)».

По вполне понятным причинам известные сложности возникают в связи с миграцией в область выходцев из мусульманских регионов России и стран СНГ. Впрочем, Нижневолжье всегда являлось переселенческим перекрестком, и потомками переселенцев в давних поколениях являются все без исключения астраханцы. Французский журналист, мусульманин по происхождению Файиз Хэнни (Ани), приводит как поучительный пример замечание, которое сделали астраханцы на рынке приезжему, посчитавшему себя обиженным за свое происхождение: «У нас не принято козырять своей верой или нацией (у Файиза — «коммунностью»). Ты — в Астрахани!»¹.

Хотя частные бытовые и даже групповые конфликты между мигрантами и коренными жителями, а также между мигрантами разных этносов (к примеру, дагестано-аварский) полностью не исключены, они обычно не используют религиозных лозунгов противоборства.

Файиза Хэнни особенно интересовало, как воспримут в учебных заведениях распространяющийся порядок у старшеклассниц и студенток закрывать платком волосы, тем более скрывать лицо. В Астрахани это воспринималось достаточно нейтрально (как и особенности внешнего облика у мужчин-салафитов). Распространение этого обычая за минувшее десятилетие не выявило значительных проблем.

Иногда напряженность возникает вследствие слишком эмоционального восприятия религиозной символики. Так, изображения на крестах

---

¹ См.: Croissance. Le monde en development. Magazine. Paris. 1998, Mai. P. 29. № 415.

(с низовой частью «купель Христова») куполов на соборах в Астраханском кремле многие из местных жителей склонны трактовать как победу христианства над исламом в этих краях. А настоятели некоторых новых мечетей транслируют раннеутренний азан через усилители на весь микрорайон, говоря при этом, что «и колокола звучат громко!».

В целом на бытовом уровне вопрос единства монотеистических религий решается астраханцами обычно весьма легко и ненапряженно. Здесь говорят: «Мы дружим и ходим друг к другу на праздники, невзирая на то, кто какой религии». И трогательным подтверждением тому пусть послужит интервью с астраханским подростком-русским на улице по радиостанции ГТРК «Лотос»: «Кого ты сейчас поздравить со светлым праздником Рождества?» — «Моего друга Наиля» (!).

ГЛАВА 6

ПРОБЛЕМЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Как отмечалось ранее, бытовые и групповые конфликты, внутри одной этнической группы или между представителями разных народов, даже при жестком противостоянии обычно не носят религиозного характера.

Исключений не так много. Таков, например, начавшийся на бытовой почве конфликт между чеченцами и русскими в с. Промысловка приграничного Лиманского района 4 и 19 апреля 1998 г.¹ В октябре 2004 г. в пос. Астраханский, с. Буруны соседнего Наримановского района повздорили калмыки и даргинцы — футбольные фанаты команд «Анжи» из Махачкалы и элистинского «Урала» после телетрансляции матча между ними.

Прямо на «Уразу-Байрам», 14 ноября 2004 г., в с. Зензели Лиманского района из-за невозвращенного долга поспорили молодые люди — калмык и татарин с двумя чеченцами, имевшими оружие, что в итоге привело к человеческим жертвам.

Еще опаснее могли быть последствия конфликта между русскими, калмыками, татарами и

---

¹ См.: Бюллетень сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. № 19, июль. М.: [ИЭА РАН]. 1998. С. 9–10.

приезжей чеченской молодежью 23–28 февраля и 15–20 августа 2005 г. в соседнем с. Яндыки (массовые драки и поджоги), однако он был локализован и ликвидирован, а виновные с обеих сторон понесли наказание. Однако и здесь ничего конфессионального (кроме единичных выкриков «Аллах Акбар!») не наблюдалось.

Ряд громких судебных дел, приобретших «мусульманское» звучание, стали широко известны в начале XXI в., поскольку в них фигурировали имена, известные и в астраханском, и в общероссийском масштабе.

В январе 2000 г. Рашид М. Халиков (незадолго до этого сменивший имя на Габдуллашит Габдуллахалик) привлекался к уголовной ответственности за незаконное хранение боеприпасов, но получил условный срок в 2 года. В 2004 г. он был вновь задержан правоохранительными органами.

10 июня 2003 г. при боевой операции спецслужб в Астрахани был ранен и схвачен боевик, участник организации взрыва в г. Каспийске, эмиссар экстремистских центров, действовавший на территории Ульяновской области. Он скрывался дома у земляка, участника создания ИПВ «Нахдат» и проповедника в «Белой мечети» Магомед-Гаджи М. Абдуллазакова, который получил за укрывательство срок заключения 1 год.

25 марта 2004 г. арестован в родном с. Кулаковка Габдуллашит Габдуллахалик. Ему инкриминировалось хранение недозволённых предметов, а кроме того, попытка вести военно-спортивную подготовку с подростками-школьниками. Было доказано первое — и условный срок стал для Халикова-Халика сроком реальным.

22 марта 2005 г. в с. Бахтемир Икрянинского района были произведены следственные действия в отношении предпринимателя Мансура Калямовича Шангареева, уроженца Оренбуржья, жившего в Ульяновской области, а в 2003 г. пере-

ехавшего в Астраханскую область и сменившего несколько мест проживания. Речь шла вновь о хранении оружия и литературы, содержащей экстремистские призывы (в частности, салафистской листовки «Спасенная группа»). Сам М.К. Шангареев был задержан.

Своеобразие ситуации состояло в том, что задержанный являлся родным братом руководителя (с 2001–2002 гг.) Исламского правозащитного центра и Духовного управления мусульман «Ассоциация мечетей» муфтия К. Шангареева и муфтия Тагира К. Шангареева.

М.К. Шангареев вместе с бывшим имам-хатыбом мечети № 15 Р. М. Кенжалиевым выступал против муфтия области Назымбека-хазрята.

Приехавший муфтий Исмагил-хаджи вместе с другими московскими и местными правозащитниками 14 мая 2005 г. собрал в областном Центре детско-юношеского творчества встречу в защиту своего брата, но не был поддержан собравшимися астраханцами.

А вскоре, 31 мая 2005 г., об «ущемлении прав верующих-мусульман» в Астрахани громко заговорили в Москве на встрече за круглым столом «Межнациональное и межрегиональное согласие — главное условие сохранения целостности страны. Социальный фактор и возникновение конфликта в Российской Федерации» (с подтемой «В России права верующих не защищены»), организованным межнациональным и межрелигиозным экспертно-аналитическим центром МИМПЭКС и другими журналистскими и правозащитными организациями.

В июле 2005 г. под теми же лозунгами в Москве у здания МВД состоялся митинг-пикет, организованный партией «Яблоко» и движением «За права человека». Вновь Астраханский регион попал на страницы и в репортажи СМИ. На сей раз утверждалось, что «в Астрахани царит

«антиваххабитская» истерия, «фабрикуются уголовные дела», «здешняя власть репрессировала своих земляков», «лишь здесь в отношении верующих — беспредел» и наконец, что «прошли аресты многих астраханских мусульман». Региону иными изданиями предрекался «узбекистанский сценарий развития событий».

28 июня 2006 г. Наримановский районный суд добавил М.К. Шангарееву, по вновь вскрытым и доказанным обстоятельствам, еще 2 года колонии-поселения «за разжигание ненависти и вражды». Этот приговор и оспаривается адвокатами осужденного. Нет оснований причислять М.К. Шангареева к ваххабитам или даже салафитам (его братья — священнослужители традиционных мечетей). И приговоры (по крайней мере, первый) к исламу отношения не имеют никакого.

Роль правоохранительных органов незаменима там, где есть попытки постулирования превосходства одной религии, ее направлений над другими, призывы наказать инакомыслящих, изменить государство и воссоздать исламский халифат с судами шариата. Общество и государство не должно мириться с теми, кто переводит подобные мысли в практическую плоскость, создавая угрозу общественной безопасности и стабильности России.

Но, с другой стороны, встречаются факты некорректности со стороны силовых структур в вопросах, связанных с религией. Так, в первый день священного для мусульман месяца сафар, в священную пятницу вечером, массовой проверке подверглись шафииты, прихожане мечети № 3 на «Больших Исадах». После намаза, на выходе производилась тотальная проверка документов — у кого их не было, задерживались и загонялись в заранее подготовленные автобусы.

Возмущенное интервью по этому поводу дал в СМИ тогдашний депутат Госдумы Астрахан-

ской области Аликбер Алескеревич Пашаев. С протестом и заявлением выступили имам-хабыб мечети и группа прихожан. Выступили они и на семинаре Школы публичной политики (Астраханское отделение общества «Открытая Россия» и Институт политического и военного анализа).

Астраханские ученые, лидеры молодежных объединений и представители конструктивно настроенного исламского духовенства постоянно подчеркивают, сколь опасно раскачивать региональную «лодку равновесия» в области и в целом на юге России.

Выражали неодобрение подозрительностью в свой адрес и астраханские мухмины. Их старейшина Магомед А. Омаров-старший с возмущением осенью 2000 г. рассказывал корреспонденту «Общей газеты» Бахтияру Ахмедханову: «В пятницу, как раз во время намаза, в дом, где мы молились, ворвались омововцы. Всех, даже детей и стариков, положили на пол, а потом, как скот, выгнали на улицу и увезли в УВД. Там держали стоя у стены, снимали отпечатки пальцев. Зачем? Нас уже столько раз проверяли! При этом унижали, пинали ногами, дергали за бороды.

Я — ветеран войны, сам Путин прислал мне поздравление к 9 Мая. Он желает мне здоровья, а здесь это же здоровье отнимают. Если есть среди нас нарушившие закон, пусть наказывают, но ведь нет! Даже ножа ни у кого не нашли». Эти действия МВД Дагестана и УВД Астраханской области сочли чрезмерными в другой структуре охраны безопасности граждан — в УФСБ по Астраханской области.

Издержки в работе правоохранительных служб не исключены. В каждом случае требуется и лучше разбираться, и уметь извиняться за допущенные ошибки или бестактность. А также необходимо пытаться найти общий язык с прибывшими на астраханскую землю российскими

гражданами-мусульманами. Важен и постоянный контакт с экспертами и специалистами, а также подготовка собственных кадров со специальными религиозными знаниями и опытом.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: «И РУССКИМ МОЖЕТ БЫТЬ ИСЛАМ...»

Замечательные стихотворные строки разбившегося в тонкостях вероучений и межконфессиональных связей уроженца астраханских степей поэта-новатора Велимира (Владимира) Хлебникова (1885–1922) заслуживают того, чтобы в наше непростое время обратиться к ним еще раз:

Ах, мусульмане те же русские,
И русским может быть ислам.
Милы глаза, немножко узкие
Как чуть открытый ставень рам...

Конечно, поэт имел в виду хорошо знакомых ему мусульман-степняков. Но дело не только в этом. Важно также эмоциональное восприятие ислама. Пример юга России, Нижневолжья, Астраханской области и прилегающих территорий хотя и частный, зато показательный. Как и по всей России, в Астраханском регионе ислам занимает второе место по численности конфессий. На его основе создан уникальный социокультурный тип, поведенческие нормативы, так или иначе связанные с одной из великих мировых цивилизаций. Присутствуют здесь и три основные тенденции — традиционализм, модернизм и обновленчество (салафизм).

Данная работа посвящена бытованию ислама и мусульманства на обширной территории трех российских губерний, учрежденных в 1708–1717 гг. велениями государя Петра I: Казанской, Нижегородской и Астраханской. В то же время, следуя логике серийной публикации «Ислам в России», упор был сделан на Астраханский регион, которому присуща высокая конфессиональная самобытность. Астраханский ислам сочетает в себе общеисламскую специфику Нижневолжья.

Сама жизнь трансформирует религиозные представления и нормативы, требуя от аналитиков более взвешенного и осторожного подхода к исламу в регионе. С этой точки зрения обращают на себя внимание такие формы исламской традиции, как траурные ритуалы «Зийярат», астраханская форма «Шахсей-вахсея». Одни формы религиозной традиции исчезают, другие возрождаются — например, «укрупненные» культы «уля или воссоздание мечети «Тауба» на городском кладбище.

Публицистические или нарочито политические заявления о единой мусульманской нации — умме, единстве мирового мусульманства оказываются несостоятельными и не соответствуют реальности исламского мультикультурализма.

Мусульмане Астраханской области — важная и равноправная историко-культурная часть населения края. Настроенное на диалог с другими конфессиями мусульманское духовенство способствует правильному пониманию ислама, противодействию тем, кто создает его искаженный агрессивный облик. Еще более досадными представляются выступления религиозных радикалов, провоцирующих обострение межконфессиональных отношений, способствующих созданию имиджа ислама как агрессивной религии.

Вместо заключения: «И русским может быть ислам...»

В целом межконфессиональные отношения в Астраханской области можно расценивать как стабильные. Однако они нуждаются в объективном анализе, что будет способствовать нормализации конфессиональной обстановки и предотвращению ее обострения. И такие возможности в нашем регионе есть, как есть и соответствующий интеллектуальный потенциал.

Вот почему вместо ожидаемой точки в своем изложении поставим многоточие... Ибо «заклю- чать» не следует помещать нынешние и завтраш- ние исследования в жесткие заданные рамки — политические, формально-правовые, научные, конфессионально-культурные. Будущее всегда непредсказуемо, и нам остается только угады- вать, с чем нам предстоит иметь дело завтра и послезавтра. Мы способны предвидеть лишь ма- лую толику перемен, тем более в том, что касает- ся такого яркого, многогранного и динамичного явления, как ислам — в планетарном масштабе, в России и в отдельных ее регионах.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СЪЕЗД ИСЛАМСКОЙ ПАРТИИ ВОЗРОЖДЕНИЯ «НАХДАТ» (9 июня 1990 г., Астрахань): документы

Документ № 1

Дагестанская АССР
Кизилюртовское мусульманское
религиозное мусульманское общество¹
г. Кизилюрт

Председателю
облисполкома т. Гужвину
от Кизилюртовского
мусульманского
религиозного общества

Мы, мусульмане РСФСР, в том числе Дагестана, Средней Азии, проводим в Астрахани совместный для создания... общероссийского..., независимого общества мусульман.

В связи с этим просим выделить в гостинице места на 150 человек на период с 9 по 11 июня с. г.

Председатель р/о
Бухгалтер

подпись
подпись

/Кебедов/
/Вацилов/

---

¹ Так в тексте — угловой штамп не имеет даты и исходящего номера. — В. В.

Документ № 2

Астраханскому
городскому
исполнительному
комитету Совета
народных депутатов

ЗАЯВЛЕНИЕ

Организационный комитет по проведению Учредительного съезда Всесоюзной мусульманской общественно-религиозной организации «Нахдат» уведомляет вас о принятом решении на собрании инициативной группы мусульман СССР, проходившего в г. Кизилюрте, Дагестанской ССР, о создании данной организации и проведении Учредительного съезда в г. Астрахани 9–10 июня 1990 года, начало в 10. 00, рабочее время — 12 часов. Ориентировочное количество участников — 300 человек.

Повестка дня:

1. Создание Всесоюзной мусульманской общественно-религиозной организации «Нахдат».
2. Принятие Устава и Программы организации.
3. Избрание руководящего и рабочего состава организации.

Организационный комитет обращается к вам с просьбой об оказании содействия в организации и проведении съезда.

Оргкомитет.

г. Астрахань. 23 мая 1990 года.

Примечание: К заявлению прилагается выписка из протокола собрания инициативной группы мусульман.

От руки вписано, для ответа:
 «[Астрахань],
 ул. Свердлова — 107
 Омарову Ангуте».

Документ № 3
(упомянут в документе № 2)

**Выписка из протокола собрания
 инициативной группы
 мусульман СССР о создании
 Всесоюзной мусульманской
 общественно-религиозной организации
 «Нахдат»**

г. Кизилюрт, ДАССР, 20 май 1990 г.

Присутствовало 36 человек

Повестка дня:

1. Создание Всесоюзной мусульманской общественно-религиозной организации «Нахдат».

Решено:

1. Создать организационный комитет по проведению Учредительного съезда.

2. Провести Учредительный съезд Всесоюзной мусульманской общественно-религиозной организации «Нахдат» в г. Астрахани 9–10 июня 1990 года.

3. Обратиться к городским властям г. Астрахани с уведомлением и просьбой об оказании содействия в проведении съезда.

Председатель собрания   подпись   /Ахтаев А. /
 Секретарь собрания   подпись   /Омаров А. /

Документы № 4 и 5 (в изложении)

Проекты ответа адресанту-заявителю, А. Омарову (документ № 2, приписка) и решения горисполкома «О заявлении оргкомитета по проведению Учредительного съезда Всесоюзной мусульманской общественно-религиозной организации «Нахдат»», с постановкой подписей — в первом случае «Председатель исполкома А.Я. Черныш», во втором — он же и «Управляющий делами Ю.Ф. Торбин». Примерная датировка принятия и подписания 4–6 июня 1990 г.

Совпадающее содержание:

Не соблюдены инициативной группой требования Указа Президиума ВС СССР от 28 июня 1988 г. «О порядке организации и проведения собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций в СССР».

Рекомендовать исходить из действующего законодательства, в частности нового Закона «Об общественных организациях».

Отдельно отмечено в письме-ответе для А.А. Омарова:

Закон от 10 июля 1932 г., которым предусмотрена процедура регистрации добровольных обществ и союзов тем органом власти, на территории которого это общество располагается.

Ввиду большого наплыва беженцев из Армении и Азербайджана и размещения их временно в гостиницах, профилакториях и общежитиях города принять дополнительное количество проживающих не представляется возможным.

Источник всех документов: Текущий архив Астраханского облисполкома и горисполкома за 1990 год. Копии — в личном архиве автора.

Комментарий. Здесь действительно впервые представлены материалы, касающиеся Учредительного съезда в г. Астрахани Исламской партии возрождения (ИПВ) «Нахдат», т.е. изложены получившие затем достаточно широкий отклик действия партии, где инициатором выступает именно дагестанское обновленческое религиозное общество из г. Кизилюрта, а способствующим элементом — небольшая местная группа поддержки.

Астрахань была избрана организаторами как близлежащий и, по их словам, «мирный в международном отношении» регион. Само обращение к областным и городским властям, как можно легко убедиться, не раскрывает полностью содержания мероприятия. Сроки обращения (вопреки заявлениям членов оргкомитета) выдержаны не были. А документы вообще составлены не в деликатном заявительном, а в уведомительном и требовательном духе. Что как раз и характерно для ультимативности стиля деятельности такого рода возникавших тогда объединений.

Заявления и интервью организаторов, приведенные в тексте книги, удачно дополняются данной перепиской. Все в комплексе удачно раскрывает отдельные стороны механизма организации съезда, официально выраженные интересы и соотнесенные позиции сторон, некоторый персональный состав участников событий.

Рисунок 1

Главная соборная мечеть № 1 («Вахабийя») — резиденция председателя Регионального духовного управления муфтия мусульман Астраханской области

Рисунок 2

Вновь построенная мечеть «Тауба» («Покаяние») на городском мусульманском кладбище Астрахани

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Астраханское востоковедение. Астрахань: [АФ ВАГС], 2006. Вып. I. Итоги XXXVII Международного конгресса востоковедов (ICANAS-2004) и перспективы развития востоковедения в Астраханском крае: Расшир. заседание Совета по научной работе АОНБ им. Н.К. Крупской.
2. *Баранец А.А.* Культурный феномен мистицизма: христианство и ислам. Ростов н/Д, 2000.
3. *Бережной С.Е., Добаев И.П., Крайнюченко П.В.* Ислам и исламизм на Юге России // Южно-Российское обозрение Центра сист. рег. иссл. и прогнозир. ИППК при РГУ и ИСПИ РАН. Ростов н/Д, 2003.
4. *Васильев Д.В.* Ислам в Золотой Орде: Историко-археологич. исслед. Астрахань, 2007.
5. *Викторин В.М., Нафтуллин А.Д.* Ислам и население Астраханской области // Политическая агитация. Астрахань, 1987. № 18.
6. *Викторин В.М., Нафтуллин А.Д.* Ислам и население Астраханской области // Ислам и современность: Сб. методич. рекомендаций Астрахань, 1988.
7. *Викторин В.М.* Мужавират и культ святых мест — «ауля» в нижневолжском варианте ислама: цивилизационный, формационный и этнический подходы // Ислам, общество и культура: Материалы науч. конф. «Исламская цивилизация в преддверии XXI века (к 600-летию ислама в Сибири)». Астрахань, 1994.

8. *Викторин В.М.* Межэтническая ситуация в Астраханской области: культурные, социальные, политические проблемы. Астрахань, 1998.
9. *Викторин В.М.* К проблеме поволжско-предкавказского исламского обновленчества в мирной и радикальной формах (90-е гг. XX в.) // Евразийское пространство в постсоветский период: этнокультурная специфика социальных и культурных процессов. Ежегодник. Волгоград, 2001. № 1.
10. *Добаев И.П.* Исламский радикализм в международной политике (на примере регионов Ближнего, Среднего Востока и Северного Кавказа). Ростов н/Д, 2000.
11. Ислам и политика на Северном Кавказе (Северо-Кавказское обозрение Центра сист. рег. исслед. и прогнозир. ИППК при РГУ. Вып. 1). Ростов н/Д, 2001.
12. Ислам и современность: Сб. методич. рекоменд. Астрахань, 1988.
13. Ислам на Юге России: традиции и современность: Сб. ст. / Сост. и отв. ред. *А.В. Сызранов*, *Э.Ш. Идрисов*. Астрахань, 2007.
14. История Астраханского края: Колл. учебн.-научн. краевед. монография. Астрахань, 2000.
15. *Исхаков С.М.* Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. — лето 1918 г.). М., 2004.
16. *Керимов Г.М.* Шариат — закон жизни мусульман. М., 1999.
17. *Курбанов Х.Т.* Религиозно-политический экстремизм на Северо-Восточном Кавказе (на материалах Республики Дагестан). Ростов н/Д, 2006.
18. *Ланда Р.Г.* Ислам в истории России. М., 1995. 312 с.
19. *Магомедов А.К., Мацузато К., Викторин В.М.* Ислам и политика в современной России:

- «ядро» и «периферии» мусульманского пространства. Ульяновск, 2006.
20. Могилы астраханских святых (Перечень «святых мест» — «ауля») по спискам и устным сообщениям за 1988 г.). Астрахань, 2001.
  21. Радикализм от имени ислама и Астраханский край: Материалы встречи за круглым столом в редакции газеты «Астраханские известия» 13 октября 1999 г.
  22. *Селенский (Галишиников) Ю.В.* Не расти у дороги. Астраханские повести. М., 1987.
  23. *Силантьев Р.(А).* Новейшая история ислама в России: Полит. бестселлер. М., 2007.
  24. Социально-экономическое развитие Астраханской области в 2004 году: Доклад. Офиц. издание. Астрахань: [Адм. губернатора Астраханской обл. и ГПАО ИПК «Волга»], 2005. Вып. 11.
  25. Социально-экономическое развитие Астраханской области в 2005 году: Доклад. Офиц. издание. Астрахань: [Адм. губернатора Астраханской обл. и ГПАО ИПК «Волга»], 2006. Вып. 12.
  26. Социально-экономическое развитие Астраханской области в 2006 году: Доклад. Офиц. издание. Астрахань: [Адм. губернатора Астраханской обл. и ГПАО ИПК «Волга»], 2007. Вып. 13.
  27. *Сызранов А.В.* Эволюция государственной политики России по отношению к мусульманскому населению в конце XIX–XX вв. (на материалах Нижнего Поволжья): Автореф. дисс. ... канд. историч. наук. Астрахань, 2004.
  28. *Сызранов А.В.* Святые места мусульман Астраханского края: Историко-этнографич. очерк. Астрахань, 2006.

29. *Сызранов А.В.* Ислам в Астраханском крае: история и современность // Вестник Евразии. М., 2006.
30. *Фаизов С.Ф.* Ислам в Поволжье: VIII–XX вв. М., 1999.
31. *Sosnovski N.A.* Mass-Media and the National Revival of the Turcic Peoples in the Lower Volga Region // Tatarstan: Past and Present. Mater. of the Conf. in London Univ. June, 29, 1992. L. SOAS Centre, 1992.
32. The Christian-Muslim Frontier: Chaos, Clash or Dialogue / Ed. by J.S. Nielsen. L.-Birmingham: I. B. Tauris and Co Publ. Univ. Press, 1998.

ОБ АВТОРЕ

ВИКТОРИН Виктор Михайлович — референт-советник губернатора Астраханской области, кандидат исторических наук, доцент, преподаватель Астраханского госуниверситета (отделение восточных языков) и Волгоградского филиала Академии госслужбы. Ранее преподавал также историю народов Азии в исламском институте «Хаджи-Тархан».

Председатель Научного совета Астраханского государственного областного историко-архитектурного музея-заповедника.

Этнолог-религиовед и краевед, занимается проблемами взаимодействия религиозных общин Предкавказья и Поволжья, автор ряда работ по традиционной специфике и связям кочевого и оседлого мира на рубежах России в XVIII–XX вв., по теоретическим вопросам регионоведения.

В 1990-х гг. В.М. Викторин руководил созданным в Астрахани областным отделом по национальной политике (отсутствовавшим здесь в структурах власти с 1928 по 1991 г.). Несколько лет работал в Москве — в отделе Урало-Поволжского региона Министерства по делам национальностей и региональной политики России, входил в состав миротворческой миссии в зоне ЧП по ликвидации последствий осетино-ингушского конфликта (Владикавказ и Назрань, 1994 г.). По возвращении в Астрахань прошел переподготовку и обучение в докторантуре на кафедре религиоведения и на курсах кадрового резерва — в Российской академии госслужбы при Президенте Российской Федерации.

Общественно-политическое издание

Викторин Виктор Михайлович

Ислам в Астраханском регионе

Ответственный за выпуск *Н.П. Колобова*

Редактор *И.М. Башлай*

Корректор *Н.В. Лин*

Компьютерная верстка *А.Б. Дунаевой*

Художественной оформлением серии *В.И. Моренко*

Подписано в печать 15.02.08. Формат 70х100 1/16.
Бумага офсетная №1 . Печать офсетная. Усл. печ. л. 6.
Тираж 1000 экз. Заказ

Издательская группа «Логос»
105318, Москва, Измайловское шоссе, 4